

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

за 1889 годъ.

ЧАСТЬ СОРОКЪ ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчаннинова, Б. Чернышевскій пер. д. Дугошанина,
противъ Англійской церкви.

1889.

Изъ исторіи изображеній креста.

Великое знамя христіанства — крестъ есть въ то же время міровой, общечеловѣческой символъ. Если апостоль Павелъ и говоритъ, что слово крестное служитъ соблазномъ для Іудеевъ, Еллинамъ кажется безуміемъ и только для христіанъ составляетъ предметъ силы и знаменіе спасенія ¹⁾, то въ этихъ словахъ рѣчь идетъ у него не о самомъ знакѣ креста, какъ извѣстной символической формѣ, а о томъ особомъ представленіи, которое сложилось о крестѣ въ христіанскомъ мірѣ по отношенію ко Христу, въ связи съ значеніемъ его, какъ орудія позорной смерти, постигавшей у древнихъ образованныхъ народовъ самыхъ отвѣвленныхъ преступниковъ ²⁾. Только въ этомъ послѣднемъ значеніи греко-римскій міръ съ презрѣніемъ относился ко кресту и считалъ позорнымъ его изображеніе. Но если взять во вниманіе символическое значеніе послѣдняго, то нельзя будетъ не видѣть, что въ исторіи челоуѣчества на

¹⁾ 1 Коринѣ. 1, 17 и слѣд.

²⁾ Смертная казнь чрезъ повѣшеніе или пригвожденіе на крестъ считалась самою отвратительною, самою позорною и безчестною (*servile, crudelissimum, teterrimum, extremum, damnatissimum, ignominiosissimum supplicium*).

долю этого знака выпала болѣе свѣтлая и знаменательная судьба, которая, быть можетъ, разъяснена была бы для насъ менѣе, еслибы счастливо не совпала съ образомъ креста Христова и не получила насчетъ послѣдняго особаго права на вниманіе науки.

Художественная исторія креста начинается далеко за предѣлами христіанской эры и открывается цѣлымъ рядомъ аналогическихъ знаковъ въ символикѣ Индусовъ, Египтянъ, Вавилонянъ, Этрусковъ и въ орнаментациі народовъ классическаго міра. Какъ украшеніе, какъ символъ и извѣстный міеологическій атрибутъ, крестъ принадлежалъ къ числу широко распространенныхъ знаковъ и нерѣдко связывался съ религіозными представленіями архаическаго міра. У Индусовъ часто встрѣчается загадочный знакъ или въ видѣ перпендикулярной черты, перечеркнутой горизонтально линіей на подобіе печатнаго *z* или латинскаго *s*, или въ видѣ четырехъ гаммъ, соединенныхъ между собою концами, или положенныхъ одна на другую крестъ-на-крестъ ¹⁾. Варианты этой фигуры разнообразны, но всѣ они не выходятъ изъ общей схемы креста и въ наукѣ извѣстны съ техническимъ именемъ „свастики“, или священнаго креста Индусовъ (*сгux gammata*). Въ Египтѣ приложеніе этого знака было еще обширнѣе; онъ является здѣсь въ видѣ креста съ рукою (*сгux ansata*), имѣющаго такую форму: горизонтальная черта, имѣющая надъ собою непосредственно кружокъ, перечеркнута сверху внизъ перпендикулярной линіей ²⁾—фигура очень похожая на знакъ планеты Венеры, гдѣ верхній кружокъ объясняютъ въ смыслѣ

---

1) Рисунки см. у Stockbauer'a, «Kunstgeschichte d. Kreuzes» s. 91; Kraus'a, «Real-Encyklopädie d. christlich. Alterthum». B. 2. s. 226. fig. 91 и 92.

2) Рисунокъ. *ibidem*. S. 225.

круглаго зеркала богини, а нижнюю черту—въ значеніи ручки къ нему. Египетскіе цари и царицы нерѣдко изображаются съ такимъ знакомъ; они держатъ его за ручку въ родѣ того, какъ ап. Петръ—ключъ. Египетскіе амулеты, представляющіе жука съ распущенными крыльями, принадлежатъ къ той же категоріи знаковъ. На одномъ египетскомъ памятникѣ, относимомъ знатоками древности къ 15 столѣтію до Р. Хр., крестъ представленъ въ кругѣ, безъ всякой головки ¹⁾; иногда перпендикулярный отрѣгъ креста соединялся съ изображеніемъ змѣи, какъ бы служившей для него точкою опоры. У Вавилонянъ подобный же знакъ встрѣчается какъ застежка на груди царей. На одномъ ассирійскомъ памятникѣ, открытомъ въ Корсабадѣ, представленъ человѣкъ съ орлиной головой, съ кольцомъ въ одной рукѣ и крестомъ въ другой. Къ области той же символической фигуры нужно отнести и букву тавъ (Т), древнѣйшее начертаніе которой извѣстно изъ финикійскихъ и еврейскихъ алфавитовъ и имѣетъ видъ то андреевскаго, то прямолинейнаго креста, а иногда и теперешней греческой буквы тавъ. Сочетанія и формы разсматриваемаго знака, встрѣчающіяся у другихъ народовъ, примыкаютъ къ основной, сейчасъ описанной формѣ, какъ разновидности одного общаго прототипа, изъ котораго онѣ выходятъ и развиваются.

Любопытно и важно то, что описанные нами и подобные имъ знаки на памятникахъ древняго искусства не были случайными, не появлялись такъ себѣ, благодаря произвольному размаху руки, но имѣли внутреннее значеніе, служили выраженіемъ извѣстныхъ идей, были символами. Какой смыслъ соеди-

---

1) Риеув. *ibidd.*

нялся съ ними, — не всегда легко и можно бываетъ опредѣлить. Благодаря филологическимъ и археологическимъ разысканіямъ новѣйшихъ ученыхъ, всего больше вѣроятности остается за объясненіемъ египетскаго *сгух ansata* въ пользу его связи съ культомъ солнца. Въ египетской символикѣ этотъ знакъ трактуется какъ атрибутъ *Ногус'а*, а египетскій Горусъ — сынъ солнца и носить этотъ кругъ съ крестообразною ручкою, какъ символъ своего отца. Съ такимъ же знакомъ изображался египетскій Ра, одинъ изъ боговъ астральнаго круга. Отсюда становится понятнымъ, что кружокъ, вѣнчающій крестъ, есть не что иное, какъ изображеніе солнца, источника жизни, а самый крестъ представляетъ исходящіе изъ него лучи и у Египтянъ называется словомъ, обозначающимъ жизнь. Змѣя, обвивающая по временамъ головку креста или упирающаяся въ его перпендикулярный нижній отрѣзокъ, точно также имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ культу солнца и невольно напоминаетъ собою аналогической образъ Моисеева змѣя, поднятаго на шесть, при взглядѣ на котораго ужаленные змѣями Израильтяне получали исцѣленіе, и который служилъ прообразомъ Христа, вознесеннаго на крестъ ¹⁾. Въ индійской символикѣ изображеніе креста стоитъ въ связи съ представленіемъ огня и тѣсно примыкаетъ къ символикѣ послѣдняго. Мы получимъ самую простую форму креста, если соединимъ подъ прямымъ угломъ два продолговатыхъ куска дерева и заставимъ ихъ вращаться на оси въ точкѣ пересѣченія. Но такой именно видъ имѣлъ приборъ, употреблявшійся древними Индусами во время религиозныхъ процессій въ честь огня; онъ напоминалъ имъ не что иное, какъ древнѣйшій спо-

---

¹⁾ Ев. Іоан. 3, 14—15.

собъ добыванія огня посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева. Индійскій жрецъ въ видѣ креста держаль, такимъ образомъ, символическій знакъ огня, теплоты, предъ которымъ толпа преклонялась, какъ предъ источникомъ міровой жизни.

Съ такимъ значеніемъ символа жизни могли появиться и получить священное употребленіе крестъ на груди египетскихъ мумій, изображенія креста въ кругѣ на могильныхъ памятникахъ Этрусковъ и тому подобныя символическія сочетанія. У краснокожихъ Индѣйцевъ Америки жрецы носили знакъ креста на своихъ одеждахъ, и, по словамъ миссіонеровъ, онъ назывался у нихъ „*дерево спасенія*“; но, быть можетъ, тутъ уже сказалось вліяніе христіанства, съ которымъ были знакомы древнѣйшіе аборигены этой страны... Въ виду сказаннаго христіанскіе апологеты и древніе церковные писатели (Іустинъ, Тертуліанъ, Минуцій Феликсъ и др.), находившіе образъ креста во многихъ явленіяхъ природы и положеніяхъ человѣка, были отчасти правы, когда утверждали, что крестъ былъ извѣстенъ до-христіанскимъ народамъ и почитаемъ ими. Когда, по распоряженію Θεодосія Великаго, разрушенъ былъ знаменитый храмъ Сераписа въ Александріи, подъ развалинами его, на камняхъ фундамента были найдены какіе-то гіероглифическіе знаки и изображенія въ видѣ креста. Христіане ссылались на эту находку въ доказательство того, что это позорное въ глазахъ язычниковъ изображеніе пользовалось у нихъ большимъ почтеніемъ и принадлежало къ числу священныхъ знаковъ. Язычники, напротивъ, отрицали всякую связь этого знака съ христіанскимъ крестомъ и утверждали, что онъ принадлежалъ къ стародавнимъ ихъ символамъ, а свѣдущіе въ гіероглифахъ присоединяли съ своей стороны, что этотъ

знакъ выражалъ собою мысль о будущей жизни ¹⁾— объясненіе, подтверждаемое новѣйшими изысканіями относительно индійской „свастики“ и однородныхъ съ нею ассирійскихъ символовъ. Но это же разногласіе христіанъ и язычниковъ въ пониманіи знака показываетъ, что та и другая сторона смотрѣла на христіанскій крестъ не съ точки зрѣнія общечеловѣческой символики, а видѣла въ немъ изображеніе извѣстнаго орудія казни, которое никоимъ образомъ не входило въ смыслъ до-христіанскихъ символическихъ изображеній этого рода. Еслибы на первомъ планѣ была поставлена общечеловѣческая сторона даннаго символа, то съ вѣроятностью состоялся бы болѣе примирительный взглядъ на дѣло и изображеніе креста получило бы болѣе видное мѣсто въ перво-христіанскомъ искусствѣ. Въ дѣйствительности этого не случилось и на основаніи точныхъ данныхъ, представляемыхъ археологической наукой, можно утверждать положительно, что въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ прямое изображеніе креста не входило въ кругъ предметовъ христіанскаго искусства, по крайней мѣрѣ не появлялось открыто. ²⁾

Нѣтъ сомнѣнія, что христіане съ самыхъ первыхъ временъ относились съ благоговѣніемъ ко кресту, насколько онъ былъ связанъ съ воспоминаніемъ о Христѣ и Его искупительной жертвѣ. Въ концѣ второго и въ началѣ третьяго вѣка чествованіе креста до такой степени было распространено, что объ этомъ уже знали язычники и издѣвались надъ христіанами,

¹⁾ Münter, «Sinnbilder und Kunstvorst». Н. 1. S. 70; Stockauer, «Kunstgeschichte d. Kreuzes». S. 94.

²⁾ Единственный, исключительный примѣръ прямого изображенія креста (+) изъ эпохи II—III вв. найденъ въ одной эпитафій въ усыпальницѣ Люцилы; Kraus, «Real-Encyclopädie». В. 2. S. 229.

называя их „*crucis religiosi*“, „*cruciolae*“ (крестопоклонники). Христианскіе апологеты не отвергали этого обвиненія, но только старались выяснитъ настоящій смыслъ приписываемаго имъ культа ¹⁾. Любопытный археологическій памятникъ представляетъ въ этомъ отношеніи каррикатурное изображеніе распятія, найденное въ 1856 году патеромъ Гарручи на развалинахъ палатинскаго дворца въ Римѣ при слѣдующей обстановкѣ. На стѣнѣ зданія грубыми штрихами начерченъ трехконечный крестъ (въ формѣ Т) съ прикрѣпленною къ нему человѣческою фигурою съ ослиной головою. Около креста, по лѣвую сторону, стоитъ человѣкъ съ поднятою рукою, какъ бы собираясь положить на себѣ крестное знаменіе. Внизу группы подпись: „*Ἀλεξάνδρου σέβετε (вмѣсто σέβεται) θεού*“ ²⁾. Судя по небрежности рисунка и неправильности подписи, можно думать, что все это изображеніе было начерчено *ex improviso*, неумѣлою рукою и первымъ попавшимся подъ руку острымъ орудіемъ, можетъ быть, гвоздемъ. Такъ какъ эта стѣна

1) „Что касается до тѣхъ людей, говорить, напримѣръ, Тертуліанъ, которые обвиняютъ насъ въ поклоненіи кресту, то мы не стыдимся этого“. При этомъ онъ замѣчаетъ, что еслибы христіане поклонялись кресту, какъ Богу, то въ такомъ случаѣ они ничѣмъ не отличались-бы отъ язычниковъ, которые также поклоняются дереву. „Какое дѣло до формы, когда матеріаль одинъ и тотъ-же и когда онъ почитается за Бога? Какое различіе между крестомъ и между афинскою Палладою или египетскою Церерою, которыя не иное что, какъ кусокъ грубаго и безобразнаго дерева?.. Впрочемъ, обожая трофеи, заключаетъ апологетъ, вы сами обожаете кресты, на которыхъ трофеи держатся. Войска ваши благоговѣютъ къ своимъ знаменамъ, клянутся ими, предпочитаютъ ихъ всѣмъ богамъ“. *Apolog. cap. 16. Изд. Oehler'a, стр. 177—179.*

2) Kraus, «*Real-Encyklopäd.*» В. 2 подъ слов. «*Spotterucifix*»; Becker, «*Das Spotterucifix der röm. Kaiserpaläste.*»

принадлежала не къ главному зданію, а къ чернымъ людскимъ комнатамъ, то очень вѣроятно, что какой-нибудь римскій служитель, одинъ изъ пажей дворца хотѣлъ въ этой карриатурѣ осмѣять своего товарища, христіанина Алексамена, и представилъ его при отправленіи религіознаго культа. Чтобы понять смыслъ этой карриатуры, должно припомнить одну изъ тѣхъ басенъ, которыя были распространяемы язычниками на счетъ первыхъ христіанъ, именно обвиненіе, будто послѣдніе боготворили осла. Ближайшимъ поводомъ къ ея составленію послужилъ съ вѣроятностію рассказъ Тацита про Іудеевъ, что они, изгнанные изъ Египта, томясь въ пустынѣ жаждой, были наведены на слѣдъ источника стадомъ ословъ и въ благодарность за свое спасеніе стали считать это животное священнымъ. По словамъ Діодора, Антиохъ Епифанъ, овладѣвъ Іерусалимомъ, нашелъ въ іерусалимскомъ храмѣ высѣченное изъ камня изображеніе всадника, ѣдущаго на ослѣ. Египтяне выдумали эту басню въ насмѣшку надъ Евреями, которыхъ они знали какъ номадовъ до поселенія въ Египтѣ; они рассказывали про нихъ и другой мифъ, будто Тифонъ спасся на ослѣ изъ битвы съ богами и построилъ Іерусалимъ. Такъ какъ христіанъ весьма многіе изъ язычниковъ въ первое время смѣшивали съ Іудеями, то на нихъ перенесли и самыя эти выдумки (Тертул. Аролог. с. 16). На основѣ этихъ басней очень рано стали появляться карриатурныя изображенія; Тертуллианъ рассказываетъ, что въ его время какой-то іудей выдумалъ новое изображеніе христіанскаго Бога съ надписью: „Deus Christianorum onokoites“¹⁾. Изображеніе представ-

¹⁾ Stockbauer, «Kunstgeschichte d. Kreuzes». S. 80. Тертулл. Аролог. cap. 16.

ляло чудовищную фигуру, одѣтую въ тогу, съ ослиными ушами, съ когтями на лапахъ и съ книгой въ одной изъ нихъ. Цельсь называетъ христіанъ ослупоклонниками и, какъ видно изъ словъ Оригена, основываетъ это оскорбительное прозвище на вѣкоторыхъ изображеніяхъ, обращавшихся у Офитовъ, которые называли своего Бога „Ουσιτις“ и изображали его „ουσειδης“, т. е. похожимъ на осла. Къ этой же категоріи принадлежитъ карриатура палатинскаго дворца. По выдѣленіи изъ этого факта историческаго элемента, въ немъ останется справедливою лишь одна идея почитанія христіанами Распятаго—идея, отъ которой еще нѣтъ необходимаго перехода къ существованію самыхъ изображеній креста и распятія. И дѣйствительно изученіе древнихъ памятниковъ христіанскаго искусства приводитъ къ заключенію о чрезвычайной рѣдкости изображеній, не говоримъ—распятія: его нигдѣ не находится,—но и самаго креста. Оба они появляются уже спустя довольно долгое время и значительно оваздываютъ предъ другими сюжетами древне-христіанскаго искусства.

Не трудно, кажется, объяснить: вслѣдствіе чего произошло это несоотвѣтствіе и почему идея Распятаго, лежащая въ основѣ христіанскаго исповѣданія, долгое время оставалась внѣ художественнаго, образнаго выраженія. Главная причина этого явленія заключается въ томъ особенномъ представленіи, которое соединялось съ именемъ креста и крестной смерти, какъ самаго позорнаго и возмутительнаго рода наказанія. Надобно было пройти многому времени, чтобы изображеніе распятаго Христа, независимо отъ своего религіознаго значенія, сдѣлалось открытымъ символомъ христіанства и заняло видное мѣсто въ церковномъ искусствѣ; нужно было, чтобы впечатлѣніе недавняго подавляющаго событія сгладилось настоль-

ко, чтобы образъ послѣдняго уже не возбуждалъ того тяжелаго чувства, какимъ онъ сопровождался въ непосредственномъ сознаніи перво-христіанъ. Это обстоятельство сообщило своеобразную черту исторіи изображеній креста, вызвавши особый способъ его представленія, такъ называемые „*crucis dissimulatas*“, заключавшіе въ себѣ болѣе или менѣе понятную аллюзію на крестъ, большее или меньшее сходство съ формою его. Эти скрытые, прикровенные кресты и представляютъ собой первые, и по времени и по способу выраженія, опыты христіанскаго искусства на поприщѣ ставрографіи. Самый важный и болѣе распространенный изъ нихъ составляютъ, конечно, монограммы имени Христова. Систему главнѣйшихъ знаковъ этого рода можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. X. Это—начальная буква имени *Χριστός* въ ея простѣйшемъ графическомъ начертаніи и вмѣстѣ основная форма для послѣдующихъ, болѣе сложныхъ видовъ монограммы, символъ и выраженіе всей сущности христіанства и его вѣрованій. Смыслъ этого знака былъ настолько понятенъ для христіанъ и нехристіанъ, что Юліанъ законически, но въ тоже время характеристично и глубоко вѣрно выразилъ свои враждебныя отношенія къ христіанству, назвавъ ихъ борьбою противъ X.

II. ✕. Та же буква, перечеркнутая поперечной чертою, обозначающею букву J, начальную въ имени *Ιησους*. Въ первый разъ такой знакъ встрѣчается въ надгробной надписи («*Pastor et Titiana et Marciana Marciano filio benemerenti in ✕ fecerunt. Vivas inter sanctos*»), относимой Ро сси къ 268 или 269 году ¹⁾

¹⁾ Rossi, «*Inscriptiones*». p. 16, n. 10

III. ✠ Новая комбинація того же знака съ буквою ρ, представляющая наиболѣе употребительный видъ монограммы. Она встрѣчается на христіанскихъ памятникахъ первой половины IV вѣка ¹⁾).

Нельзя не видѣть, что сила всѣхъ этихъ знаковъ заключается въ имени «Христосъ», которое представляется здѣсь въ различныхъ графическихъ сочетаніяхъ. Что же касается до изображенія креста, то его фигура еще не опредѣлилась, такъ сказать, и лишь даетъ себя предчувствовать и угадывать въ разныхъ буквенныхъ комбинаціяхъ имени Христова.

IV. Новый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ христіанскимъ искусствомъ, когда монограмма получила видъ буквы ρ съ прямымъ и длиннымъ нижнимъ концемъ, перечеркнутымъ горизонтально. (P). Здѣсь яснѣе выступаетъ очертаніе креста, хотя оно и нейтрализуется его верхнею частью, замкнутою въ видѣ буквы ρ. Въ катакомбахъ въ первый разъ этотъ знакъ встрѣчается, по словамъ Росси, въ 355 году ²⁾).

Изъ желанія имѣть болѣе близкое и подходящее ко кресту изображеніе развился въ перво-христіанскомъ искусствѣ цѣлый длинный рядъ символическихъ знаковъ (скрытыхъ крестовъ), въ которыхъ внѣшняя форма боролась съ внутреннимъ содержаніемъ знака, съ его идеею ³⁾).

1) Ibid. №№ 39, 48, 52, 62, 63.

2) «Inscript.» п. 121.

3) Рисунки этихъ знаковъ и комментаріи къ нимъ можно найти у Münster'a, «Sinnbilder und Kunstvorst. ss. 33—40 38 — 79; Stockbauer'a, «Kunstgeschichte d. Kreuzes». S. 81—133; Kraus'a, въ его «Real-Encyclopädie d. Christlichen Alterthümer» подъ слов. «Kreuz», Monogramm Christi, Münzen; особенно въ сочиненіи: «De monogrammate D. N. Iezu Christi et usitatis Ejus effigendi modis». Mediolani. M. D. CCLXXIII.

Къ той-же группѣ монограмматическихъ знаковъ принадлежитъ и изображеніе на лабарумѣ Константина Великаго. Многіе изъ писателей указываютъ на лабарумъ, какъ на осязательное доказательство той мысли, что уже въ началѣ IV вѣка публично употреблялось и привилось къ искусству изображеніе креста. Но если разобрать рассказъ Евсевія о Лабарумѣ и прослѣдить его исторію, то окажется, что на сторонѣ этого осязательнаго знака далеко не такъ много доказательной силы, какъ это принято думать. Евсевій говоритъ, что Константинъ предъ сраженіемъ съ Максентіемъ видѣлъ въ полдень явившееся на небѣ въ свѣтозарныхъ лучахъ знаменіе креста съ словами: *тото вихх*. Въ слѣдующую ночь Константину явился Христось съ знаменемъ креста и велѣлъ сдѣлать съ послѣдняго изображеніе, какъ знамя и защиту противъ враговъ. Константинъ на другой-же день призвалъ мастеровъ, описалъ имъ явившееся знаменіе и приказалъ по образцу его устроить знамя для своего войска. „На копьѣ, обложенномъ золотомъ, говоритъ Евсевій, довольно подробно описывая эту знаменитую хоругвь Константина, была наложена сверху поперечина, образовавшая съ нимъ знакъ креста. На самой вершинѣ копья былъ утвержденъ золотой вѣнокъ, украшенный драгоценными камнями, а въ немъ символъ спасительнаго имени— двѣ буквы, обозначающія имя Христова, т. е. Х, пересѣченное Р (дѣло идетъ, очевидно, о монограммѣ Христа). Эти буквы царь впослѣдствіи имѣлъ обычай носить и на шлемѣ. На поперечинѣ висѣлъ тонкій бѣлый платъ—царская ткань, покрытая различными драгоценными камнями и искрившаяся лучами свѣта. Часто вышитый золотомъ, этотъ платъ казался невыразимо красивымъ и, вися на поперечинѣ, имѣлъ одинаковую широту и длину.

На прямомъ концѣ, котораго нижній конецъ былъ весьма длиненъ, подъ знакомъ креста, на самой верхней части описанной ткани висѣло, сдѣланное изъ золота, грудное изображеніе боголюбезнаго царя и его дѣтей¹⁾.

Изъ этого описанія видно, что поперечина, составлявшая среднюю вѣтвь креста, имѣла чисто механическое значеніе и предназначена была поддерживать кусокъ полотна, представлявшій царское знамя. Такимъ образомъ главное, что придавало христіанскій характеръ этому знамени, есть монограмма имени Христова, а не крестъ, котораго здѣсь и не было.

Это спасительное знаменіе, продолжаетъ Евсевій, царь употреблялъ во время опасности, какъ защиту, и повелѣлъ, чтобы такія-же знамена были введены во всѣхъ войскахъ. Знамя это сдѣлалось походнымъ у Константина и затѣмъ перешло въ практику позднѣйшихъ императоровъ²⁾. Юліанъ отступникъ приказалъ снять съ лабарума это изображеніе, но при Іовиніанѣ, его преемникѣ, оно снова было восстановлено. Со времени послѣдняго лабарумъ получаетъ новое дополненіе къ монограммѣ въ видѣ креста³⁾, а на одной монетѣ Валента вмѣсто монограммы на немъ уже выступаетъ четвероконечный крестъ⁴⁾.

1) «Vita Const.», lib. 1 c. 31.

2) О лабарумѣ смот. у Kraus'a: «Real-Encyclopädie». В. 2 s. 259—262; ст. П. С. Казанскаго: „Лабарумъ Константина Великаго“ въ „Древностяхъ“, Археологич. Вѣстникъ, т. 1 стр. 8—11.

3) Rossi: «Inscript.» p. 64 n. 101.

4) Не лишнимъ считается замѣтить, что хотя слово «лабаритъ» и неупотребляется до IV вѣка, но самыя знамена въ формѣ «лабарума», разумѣется, за исключеніемъ монограммы, часто встрѣчаются во времена республики и на монетахъ первыхъ императоровъ и были извѣстны подъ именемъ «хе-

Съ половины IV вѣка символическія формы постепенно начинаютъ уступать мѣсто собственному изображенію креста и побѣда христіанства надъ язычествомъ, какъ торжество креста, вызываетъ открытое изображеніе послѣдняго въ житейскомъ быту, въ церковномъ культѣ и на государственныхъ реликвіяхъ. Въ началѣ V вѣка на очень многихъ общественныхъ памятникахъ встрѣчается собственное изображение креста, безъ всякой символической оболочки. «Крестъ находится повсюду, свидѣтельствуетъ Златоустъ въ своей бесѣдѣ о Божествѣ Христовомъ, въ домахъ, на площадяхъ, въ пустыняхъ, на дорогахъ, на холмахъ и горахъ, на корабляхъ и островахъ, на одрахъ и оружіяхъ, въ брачныхъ чертогахъ, на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, на стѣнахъ. Ибо мы не стыдимся креста, напротивъ онъ намъ дорогъ и достолюбезенъ всюду, гдѣ только можетъ быть изображенъ».

Въ археологической наукѣ между древнѣйшими изображеніями настоящаго, неприкровеннаго креста принято различать три основныхъ вида, именно: «*crux commissa*», «*crux immissa*» и «*crux decussata*».

«*Crux commissa*» или «*patibulata*» — одна изъ древнѣйшихъ, если не самая древняя форма креста, встрѣчающаяся на древне-христіанскихъ памятни-

---

illa». Имѣя въ виду эту форму знаменъ, Тертуліанъ, отражая нападенія язычниковъ, могъ обличать ихъ самихъ въ непоследовательности и навязывать имъ почитаніе креста, *cultum crucis*. Военскіе обычай Римлянъ, по его аргументаціи, уважають этотъ знакъ и придаютъ ему священное значеніе. «*Religio Romana, nihil est ovъ вь своей апологіи (cap. 16), tota castrensis signa veneratur, signa omnibus diis praepunit, signa jurat. Omnes illi imaginum suggestus in signis monilia crucum sunt. Siphara illa vexillorum et cantabrorum stolae crucum sunt. Laudo diligentiam: noluitis nudas et incultas cruces consecrare.*»

кахъ. Сгyx commissa—трехконечный, онъ состоитъ изъ двухъ брусевъ, изъ которыхъ поперечный накладывается сверху на продольный, утверждаемый вертикально къ землѣ такъ, что оба вмѣстѣ представляютъ собою фигуру греческой и латинской буквы Т. Эта форма креста, помимо простаго, безъ перекладинъ, столба (*σχιλσψ*) и столба или кола съ раздвоеніями, въ видѣ вилки (такъ наз. «fugsa»), была въ употребленіи еще въ до-христіанскомъ мірѣ, у Грековъ и Римлянъ. Она наглядно представляется у извѣстнаго сатирика Лукіана Самосатскаго въ его сочиненіи: «Процессъ буквъ». Въ послѣднемъ выводятся согласныя буквы азбуки съ разными жалобами на управляющихъ ими гласныхъ, и между прочимъ сигма жалуется на тавъ за то, что послѣдняя по правиламъ аттическаго произношенія часто вторгается въ ея область и подражаетъ произношенію своей сосѣдки. Въ то же время на букву тавъ поднимается общее негодованіе за то, что ея формою тиранны воспользовались для устройства крестовъ. Въ связи съ этою формою и въ христіанскомъ искусствѣ появилось изображеніе креста въ видѣ буквы тавъ. «Въ одной буквѣ Т ты имѣешь крестъ», говоритъ св. Варнава, и Тертуліанъ: «греческая буква Тау, а наша (латинская) Т есть образъ креста». Существуетъ мнѣніе, что Христосъ былъ распятъ на крестѣ такой именно формы, т. е. трехконечномъ, раздѣляемое многими археологами и подтверждаемое отчасти каррикатурнымъ изображеніемъ распятія и практикою римскаго міра. Для усвоенія ея кресту Христову не мало содѣйствовало и воспоминаніе о томъ мистическомъ знакѣ Тау, который, по повелѣнію Іеговы, долженъ былъ изобразить пророкъ Іезекіиль (9, 4) на челѣ жителей Іерусалима. «И сказалъ Господь ему: пройди посреди

града Іерусалима и изобрази тау на лицахъ мужей стѣнящихъ и болѣзнующихъ о всѣхъ беззаконіяхъ, совершающихся среди ихъ». Символическое значеніе этого знака объясняютъ Варнава въ своемъ посланіи (гл. 9) и Климентъ Александрійскій. «Авраамъ, говоритъ первый изъ нихъ, обрѣзалъ изъ дома своего десять, и восемь, и триста мужей. Какое-же вѣдѣніе было дано ему въ этомъ? Узнайте сперва, что такое десять и восемь, и потомъ, что такое триста. Десять и восемь выражаются: десять—буквою «іота» (ι), восемь—буквою «ита» (ι), и вотъ начало имени Іисусъ. А такъ-какъ крестъ въ образѣ буквы тавъ долженъ былъ указывать на благодать искупленія, то и сказано: «и триста». Итакъ, въ двухъ буквахъ открывается имя Іисусъ, а въ одной третьей — крестъ». Не безъ вліянія, конечно, этой символики и въ катакомбномъ искусствѣ и на христіанскихъ саркофагахъ имя умершаго иногда прерывается вставкою буквы тавъ, или-же эта послѣдняя ставится передъ именемъ, какъ символъ спасенія и Христа (см. Martigny, Diction. p. 185).

«Cruz immissa» или «capitata» — четырехконечный; короткая поперечная балка его вставляется въ продольную такъ, что верхушка продольной балки выдается надъ поперечною. Эта форма креста подраздѣляется на такъ называемую *греческую* или квадратную, въ которой поперечная балка равна продольной и такимъ образомъ крестъ получаетъ видъ: $\dagger$, и на *латинскую*, у которой продольная балка значительно длиннѣе поперечной, такъ что крестъ имѣетъ форму $\ddagger$.

Самое древнее изображеніе креста этого рода, какъ уже замѣчено выше, находится въ катакомбѣ св. Люцилы; другое его изображеніе найдено въ катакомбахъ, на доншкѣ стекляннаго сосуда, и пред-

ставляетъ христіанина съ «сгux immissa», имѣющимъ форму $\dagger$ и изображеннымъ у него на челѣ ¹⁾. Съ V вѣка «сгux immissa» становится общеупотребительнымъ ²⁾.

Крестъ, на которомъ умеръ Спаситель, по господствующему предаію въ Церкви, былъ *четырежконечный* — „сгux immissa“ или «capitata».

„Сгux decussata“, иначе — косою, представляетъ крестъ въ видѣ буквы X и состоитъ изъ двухъ, наискось одна къ другой положенныхъ, перекладинъ. Археологами онъ нерѣдко называется „бургундскимъ“ или „андреевскимъ“, такъ какъ, по предаію, на такомъ именно крестѣ былъ распятъ св. Апостоль Андрей Первозванный. Сгux decussata представляетъ собой не столько въ строгомъ смыслѣ крестъ, сколько условный знакъ, прикровенное изображеніе его. Иеронимъ говоритъ, что Церковь видѣла въ греческой буквѣ X образъ креста. А такъ какъ этой-же буквой начиналось имя *Христосъ*, то буква X служила столько-же священнымъ символомъ для имени Христа, сколько и для Его креста.

Отмѣченный выше въ художественной исторіи креста поворотъ, какъ нельзя лучше, совпадалъ съ фактами дѣйствительныхъ явленій креста, которыхъ мы имѣемъ сразу три: явленіе Константину Великому во время войны съ Максентіемъ, обрѣтеніе царицею Еленою креста въ Іерусалимѣ и явленіе его въ Іерусалимѣ, видѣнное на небѣ и описанное Кирилломъ Іерусалимскимъ въ письмѣ къ Констанцію. О первомъ изъ этихъ явленій мы уже сказали, говоря о лабарумѣ Константина Великаго; теперь нѣсколько словъ о второмъ изъ нихъ, особенно важ-

1) Boldetti, «Cimiteri di Roma», p. 60.

2) Kraus, «Real-Encyclopädie», В. 2. S. 229.

номъ по его рѣшающему значенію относительно формы и исторической судьбы подлиннаго креста Христова.

Прежде всего нужно замѣтить, что исторія обрѣтенія креста Господня передается четырьмя ближайшими по времени историками: Сократомъ, Созоменомъ, Руфиномъ и Теодоритомъ, но, по какому-то странному и нелегко объяснимому обстоятельству, совершенно опускается Евсевіемъ, который подробно говоритъ о пилигримствѣ Елены и о дѣлахъ ея религіознаго усердія въ Палестинѣ, который самъ жилъ неподалеку отъ мѣста, гдѣ совершилось обрѣтеніе креста и, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ дому Константина В., могъ имѣть объ этомъ дѣлѣ самыя точныя свѣдѣнія.

Свидѣтельства названныхъ нами четырехъ историковъ касаются болѣе обстоятельствъ нахождения креста, чѣмъ занимаются описаніемъ его внѣшняго вида. Они говорятъ, что всѣ три креста были совершенно сходны между собою и отличить между ними крестъ Христовъ не было никакой возможности и что только чудесное испытаніе, предложенное епископомъ Макаріемъ, рѣшило вопросъ касательно подлиннаго креста Христова ¹⁾. Всѣ они говорятъ, что кресты были деревянные, но ни одинъ изъ историковъ не даетъ указанія на то, изъ какого дерева они были сдѣланы, а потому свидѣтельство Златоуста и другихъ позднѣйшихъ церковныхъ писателей, что крестъ Христовъ былъ *трехсоставный*, т. е. состоялъ изъ кедра, кипариса и пегво, не имѣетъ основанія въ подлинномъ разсказѣ упо-

---

¹⁾ Руфинъ и Амвросій называютъ его „patibulum“ — тернивь, заимствованный у Римлянъ и обозначавшій у нихъ вообще орудіе для привязыванья или притвожденія людей съ растянутыми руками въ наказаніе.

мянутыхъ выше историковъ. По свидѣтельству Амвросія, крестъ Христовъ былъ узнанъ будто-бы по находившейся на немъ надписи, положенной Пилатомъ. «Св. Елена, говоритъ онъ, искала средняго креста, но очень могло случиться, что время и перевороты измѣнили ихъ относительное положеніе. Тогда она обратилась къ евангельскому повѣствованію ¹⁾ и нашла, что на среднемъ крестѣ была помѣщена надпись: «Иисусъ Назорей, Царь Іудейскій». Этимъ восстановлена была истина и открытъ спасительный крестъ. Она нашла надпись и поклонилась Царю, а не древу, потому, что это есть заблужденіе язычниковъ и суетное дѣло нечестивыхъ». Не трудно замѣтить, что этотъ рассказъ Амвросія стоитъ въ противорѣчій съ указаніями Сократа, Созомена, Руфина и Теодорита, которые не говорятъ о сохраненіи на крестѣ Христовомъ принадлежащей ему надписи, а утверждаютъ, что путь къ такому различенію былъ потерянъ и нужно было обратиться къ чудесному испытанію для отличенія истиннаго креста отъ найденныхъ вмѣстѣ съ нимъ. Впрочемъ названные историки сходятся на этотъ счетъ съ Амвросіемъ, ибо говорятъ, что надпись была найдена — только отдѣльно отъ крестовъ. Дальнѣйшая судьба креста Христова теряется изъ вида; извѣстно только, что благочестивой матери Константина пришло на мысль раздѣлить крестъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ одну она оставила въ базиликѣ св. гроба въ Іерусалимѣ, другую положила въ церкви св. креста въ Константинополѣ, а третью передала Константину для собственнаго употребленія. Съ тѣхъ

---

³⁾ Какая наивная черта—предполагать, что св. Елена не знала ранѣе о такой надписи и не была предвараена объ этомъ своими христіанскими спутниками!

поръ цѣлость креста Христова была навсегда потеряна. Кирилль Иерусалимскій, жившій тридцать лѣтъ спустя послѣ нахождения креста, хотя и считаетъ его осязательнымъ свидѣтельствомъ воскресенія Христова, но изъ словъ его видно, что въ Иерусалимѣ тогда была лишь часть этой святыни, а прочія находились по разнымъ мѣстамъ ¹⁾. Что эта реликвія очень рано утратила свою цѣлость видно изъ того, что Златоустъ въ Антиохіи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ произошло самое открытіе креста, могъ все-народно въ «словѣ о крестѣ и разбойникѣ» сказать, что Христосъ не оставилъ своего креста на землѣ, но взялъ съ Собою и вознесся отъ земли на небо, что съ нимъ, этимъ знаменіемъ своихъ страданій и спасенія, Онъ явится во второе пришествіе для суда.

Если уже во времена Златоуста были скудны свѣденія о голгоескомъ крестѣ, то понятное дѣло, что теперь, когда частицы послѣдняго распространены едва-ли не по всему свѣту и когда чуть-ли не всѣ христіанскія страны имѣютъ притязанія на обладаніе этою священнѣйшею реликвіею, — не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо цѣльномъ представленіи его внѣшняго вида.

Дальнѣйшую и вмѣстѣ послѣднюю фазу въ художественной исторіи креста представляютъ распятія или кресты. Эта позднѣйшая археологическая форма креста, въ которой не только изображеніе орудія распятія, но и представленіе страждущаго Спасителя нашли себѣ соотвѣтствующее выраженіе, замыкаетъ собою всѣ предшествующія и есть какъ бы ихъ завершеніе.

---

¹⁾ Оглаш. IV § 10. *Пері той стхороѣ*; см. 10-е оглаш. § 19, 13-е оглаш. § 4.

Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства представителями богословской мысли, за отсутствіемъ портретныхъ изображеній Спасителя, было высказано два совершенно противоположныхъ возрѣнія на Его наружность. Одни изъ отцовъ и учителей Церкви (Іустинъ, Климентъ и Кирилль Александрійскіе, Тертуліанъ и др.), опираясь на слова пророка Исаи: *„нѣсть вида Ему, ниже славы, и видѣхомъ Его и не имяше вида, ниже доброты, но видѣ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ челоувѣческихъ“* (ЛIII, 2. 3.) и на основаніи буквального пониманія словъ Ап. Павла: *«зракъ раба приимъ»* (Филипп. 2, 7), высказывали ту мысль, что Іисусъ Христосъ имѣлъ не только не представительную, но и положительно невзрачную наружность; другіе (Златоустъ, Іеронимъ, Григорій Нисскій, Амвросій Медиоланскій, Θεодоритъ, Августинъ), выходя изъ словъ Псалмопѣвца: *«красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ челоувѣческихъ, излияся благодать во устѣхъ Твоихъ»* (Псал. XLIV, 3), считали Богочеловѣка представителемъ совершеннѣйшей красоты. Послѣднее мнѣніе восторжествовало въ перво-христіанскомъ искусствѣ и въ соотвѣтствіи съ нимъ выработался катакомбный, идеальный типъ юнаго Христа и цѣлый рядъ изображеній Послѣдняго въ свѣтлыя минуты Его жизни. Въ катакомбныхъ фрескахъ на каждомъ шагу приходится наблюдать, какъ Христосъ принимаетъ поклоненіе отъ волхвовъ, творить чудеса, является великимъ Учителемъ, торжественно вступаетъ въ Іерусалимъ и, наоборотъ, не видно ни одного изображенія, гдѣ бы Онъ былъ судимъ, страдалъ и вообще такъ или иначе былъ уничижаемъ. Въ изображеніи распятія христіанскому искусству предстояло рѣшить вопросъ о представленіи І. Христа въ моментъ Его уничиженія, въ томъ состояніи, когда, по словамъ

пророка, Онъ не имѣлъ ни вида, ни доброты. Эта художественная теорія нашла себѣ прекрасное объясненіе въ слѣдующей надписи на ковчегѣ византійскаго креста времени Константина Порфирогенита, такъ называемомъ Лимбургскомъ крестѣ по мѣсту его нахождения. «Господь, будучи распятъ на крестѣ, говорится въ ней, уже не былъ прекраснымъ, ибо Богъ пострадалъ по человѣческому естеству. Василий Проздръ украсилъ ковчежецъ креста, на которомъ распростерты Христосъ привлечь къ Себѣ весь міръ. Христосъ имѣлъ совершенную красоту, но, умирая, утратилъ ее, чтобы украсить безобразный видъ, данный мнѣ грѣхомъ».

Раздѣляя общую судьбу христіанскаго искусства, распятіе прошло нѣсколько предварительныхъ формъ, прежде чѣмъ достигло полнаго и точнаго выраженія. Прежде всего появились символическія формы распятія, въ которыхъ, подъ оболочкою условно взятаго образа, давались болѣе или менѣе ясныя намеки на это изображеніе и въ этомъ смягченномъ видѣ представлялось оно христіанскому сознанию. Любопытный матеріалъ для подобной символики данъ былъ между прочимъ въ легендѣ объ Улиссѣ. Послѣдній, какъ извѣстно, велѣлъ привязать себя къ мачтѣ, чтобы спастись отъ соблазнительнаго ифнія сиренъ. Для христіанскаго искусства художественное усвоеніе этой картины было тѣмъ удобнѣе, что мачта и якорь, послѣдній особенно съ поперечиной наверху его (†), имѣли самое близкое отношеніе къ символу (†) ликъ креста. На одномъ христіанскомъ саркофагѣ сохранился барельефъ, сюжетъ котораго былъ заимствованъ изъ разсказа объ Улиссѣ. Что приключеніе послѣдняго было понимаемо и объясняемо въ значеніи символики распятія, видно изъ одного слова на великую пятницу Мартина

Турскаго (V в.), который рѣзко провелъ и обозначилъ эту параллель между Христомъ и Улиссомъ. «По свидѣтельству азычскихъ басней, говоритъ онъ, Улиссъ, въ продолженіе десяти лѣтъ бывшій игрушкою морскихъ бурь, препятствовавшихъ ему возвратиться въ отечество, загнанъ былъ въ одно мѣсто, гдѣ сирены увлекали мореплавателей своими соблазнительными пѣснями. Улиссъ, желая предохранить себя отъ этого гибельнаго соблазна, велѣлъ залѣпить себѣ и своимъ спутникамъ уши, а себя привязать къ корабельной мачтѣ. Если, продолжаетъ проповѣдникъ, эта вымышленная повѣсть увѣряетъ, что Улиссъ избѣгъ гибели, привязавъ себя къ дереву своего карабля, то не должны-ли мы съ большимъ правомъ провозгласить ту истину, что въ настоящій день весь родъ человѣческой спасся отъ ужасовъ вѣчной смерти дровомъ крестнымъ? Такъ и въ духовномъ кораблѣ—Церкви—всякій, кто будетъ привязанъ къ дереву креста и заградитъ свои уста словами Писанія, будетъ безопасенъ отъ соблазнительныхъ прелестей міра. И вотъ, чтобы освободить родъ человѣческой отъ крушенія въ волнахъ міра, Христосъ благоволилъ вознести себя на крестъ».

Само собою понятно, что подобная символика не могла прочно привиться къ христіанскому искусству и разсчитывать въ немъ на продолжительную будущность. Послѣднюю судьбу могъ имѣть образъ болѣе подходящій и выразительный и во всякомъ случаѣ съ *библейскимъ* характеромъ, что дѣйствительно и можно сказать о символическомъ агнцѣ ¹⁾.

¹⁾ Какъ въ Ветх. Завѣтѣ (напр. у Исаіи XVI, 1.), такъ и въ Новомъ Искупителѣ не разъ называется Агнецъ. Ап. Петръ пишетъ: „искупленіи кровію яко агнца непорочна и пречиста Христа“ (1 Пет. 1, 19); и Предтеча Христовъ указалъ на Него словами: „се агнецъ Божій, взямаій грѣхи міра“ (Ев. Іоан. 1. 36).

Въ исторіи христіанскаго искусства этотъ образъ проходитъ рядъ видоизмѣненій, принимаетъ различнаго рода атрибуты, по которымъ легко прослѣдить самый процессъ развитія христіанской идеи о Распятіи и различные моменты, которые она проходила въ христіанскомъ сознаніи.

Сначала изображали одного агнца, безъ всякихъ дополнительныхъ атрибутовъ, каковы: монограмма, нимбъ, крестъ. Въ связи съ послѣднимъ знакомъ агнецъ пріобрѣтаетъ опредѣленное жертвенное значеніе и представляетъ Христа, какъ «Агнца, вземлющаго грѣхи міра». Подъ этою символическою формою Христосъ изображается у Павлина Ноланскаго въ описаніи внутренняго убранства христіанской базилики. «Подъ крестомъ, окрашеннымъ въ кровавый цвѣтъ, говоритъ онъ, стоитъ Христосъ—Агнецъ въ образѣ бѣлоснѣжнаго агнца, да невинная жертва принесется несправедливой смерти» ¹⁾.

Иногда агнецъ представляется лежащимъ на жертвенникѣ, у подножія креста, какъ жертва совсѣмъ приготовленная къ закланію или уже умершая. Еще далѣе, но все еще въ границахъ символической туманности, агнецъ изображается съ проколотымъ бокомъ, изъ котораго струится кровь. Въ VI вѣкѣ выступаетъ новая символическая комбинація, совпадающая съ изображеніемъ распятія въ собственномъ видѣ. Разумѣемъ изображеніе креста съ агнцемъ на его вершинѣ или въ медальонѣ посреди креста, въ точкѣ пересѣченія его вѣтвей ²⁾. Трульскій соборъ даетъ понятъ, какъ широко распространена была эта символика, когда запрещаетъ изображать Христа въ видѣ агнца, на котораго указывалъ рукою Предтеча,

¹⁾ Epistola 32.

²⁾ Krans, „Real-Encyklop. B. 2. figg. 104—107. 99. 96.

и совѣтуесть представлять Его въ собственномъ видѣ, «*κατὰ τὸν ἀκριβοῦς χαρακτήρα*» ¹⁾).

Но нигдѣ употребленіе этого символа не заходило такъ далеко и до такой нехудожественной пестроты, какъ на саркофагѣ Юнія Басса. Ювій Бассъ принадлежалъ къ знатному римскому роду и въ половинѣ IV в. занималъ очень видную административную должность. На его гробницѣ, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора, въ промежуточныхъ пространствахъ между арками, Христосъ изображенъ въ видѣ агнца, въ цѣломъ рядѣ событій изъ Его земной жизни. Символическій агнецъ своимъ жезломъ касается корзины, наполненныхъ хлѣбами, имъ же ударяетъ о скалу, принимаетъ крещеніе, своею ножкою совершаетъ исцѣленія, словомъ — производитъ тѣ самыя дѣйствія, которыя, по смыслу евангельскаго разсказа, долженъ былъ бы совершить Христосъ, и вездѣ является Его представителемъ (см. у Kraus'a: «*Christliche Kunst*», Fig. 27; «*Real - Encyclopädie*» В. 2. Fig. 108.).

Въ концѣ IV вѣка замѣчается попытка сбросить

---

1) „На нѣкоторыхъ честныхъ иконахъ изображается, перстомъ Предтечевымъ показуемый, агнецъ, который принять во образъ благодати, чрезъ законъ показуя намъ истиннаго Агнца, Христа Бога нашего. Почитая древніе образы и сѣны, преданныя Церкви, какъ знаменія и предначертанія истинны, мы предпочитаемъ благодать и истину, приема оную, яко исполненіе закона. Сего ради, дабы и искусствомъ живописанія очамъ всѣхъ представляемо было совершенное, повелѣваемъ отнынѣ образъ агнца, вземлющаго грѣхи міра, Христа Бога нашего, на иконахъ представляти по человѣческому естеству, вѣсто ветхаго агнца, да чрезъ то, совершая смиреніе Бога Слова, приводимся къ воспоминанію житія Его во плоти, Его страданія и спасительныя смерти и симъ образомъ совершившагося искупленія міра“ (По книгѣ Правиль, изд. въ Москвѣ 1843 г., стр. 99—100, прав. 82).

последнюю оболочку символизма въ отношеніи распятія и представить его въ собственномъ видѣ. Въ первыхъ опытахъ этого рода, собственно говоря, еще нѣтъ распятія, потому что Христосъ представляется отдѣльно отъ креста, надъ нимъ въ медальонѣ или при его подножій, съ благословляющимъ жестомъ, съ открытыми глазами и безъ всякихъ признаковъ страданія; между тѣмъ какъ аксессуары, обстановка изображенія заимствованы изъ обстоятельствъ распятія и напоминаютъ его. Въ такомъ видѣ изображается распятіе на днѣ росписанаго сосуда, въ которомъ папа Григорій Великій († 604 г.) послалъ масла отъ мощей въ катакомбахъ лонгобардской царицѣ Теодолиндѣ. Крестъ здѣсь представленъ въ видѣ зеленѣющаго дерева, съ двумя колѣбнопреклоненными геціями по сторонамъ. Надъ нимъ, въ крестчатомъ нимбѣ, среди олицетвореній солнца и луны, ликъ Спасителя. Распятія собственно еще нѣтъ, но обстановка его уже налицо: по сторонамъ креста изображены два пригвожденные разбойника и тутъ же предстоящіе Христу Богоматерь и евангелистъ Іоаннъ. Но и этой идеализаціи, повидимому, было недостаточно: христіанскій художникъ спѣшитъ предупредить тяжелое впечатлѣніе страданій и смерти Спасителя, помѣщая подъ распятіемъ изображение воскресенія Христова съ мироносицами, идущими ко гробу, сидящимъ около него ангеломъ и съ надписью поверхъ гроба: «Anesti o Kristus» (*анѣсти, ѿ Христа*)¹⁾. Къ той же категоріи принадлежитъ изображение Христа съ распростертыми горизонтально руками, среди двухъ пригвожденныхъ на крестахъ разбойниковъ, какъ бы стоящаго въ молитвенномъ положеніи, но такъ, что самаго креста, къ которому

¹⁾ Рисунокъ см. у Stockbauer'a s. 145.

относится фигура Спасителя, не видно и угадать недостающее предоставляется самому зрителю.

Первыя извѣстія объ изображеніи въ собственномъ смыслѣ распятія идутъ съ востока и не восходятъ ранѣ VI вѣка; къ этому же времени относятся и первыя изображенія крцификсовъ. Родиною послѣднихъ съ полнымъ правомъ можно считать востокъ, по крайней мѣрѣ отсюда вышелъ и распространился древнѣйшій изъ извѣстныхъ типовъ распятія. Востокъ, какъ извѣстно, долгое время, болѣе трехъ съ половиною столѣтій былъ поприщемъ оживленной догматической борьбы съ арианствомъ и разнаго рода христологическими ересями, выродившимися изъ несторіанства. Съ этими спорами связывается происхожденіе одного изъ древнѣйшихъ изображеній распятія. Около 600 года ученый греческій монахъ Анастасій Синаитъ написалъ полемическое сочиненіе противъ акефаловъ, одной изъ многочисленныхъ монофизитскихъ сектъ, подъ именемъ: „*Ὁρθός σive δὺξ viae adversus асerhalos*“. Къ этому сочиненію онъ приложилъ изображеніе распятія, изъ котораго и заимствуетъ между прочимъ доводы противъ монофизитства. „Вотъ, говоритъ Анастасій, обращаясь къ распятію, Сынъ Божій виситъ на крестѣ; это—Богъ Слово, душа и тѣло. Кто изъ сихъ трехъ претерпѣлъ смерть и лишился жизни? Еретикъ отвѣчаетъ: тѣло Христово. А не душа? нѣтъ“. Доведши до этого признанія, авторъ «*Ὁρθός*» говоритъ: «какъ же вы не стыдитесь къ пѣсни Трисвятаго прибавлять: распныйся за ны?» Этой аргументаціи онъ придаетъ столь большую важность, что закликаетъ переписчиковъ своего сочиненія вмѣстѣ съ текстомъ передавать неприкосновенно и приложенное къ нему изображение. Въ силу ли этого желанія Синаита, или вслѣдствіе другихъ какихъ причинъ, только это изо-

браженіе сохранилось и до сихъ поръ въ рукописи Вѣнской библіотеки, заключающей въ себѣ творенія Синапта. Въ области ставрографіи крестъ Анастасія Синапта важенъ, какъ первообразъ византійскихъ крестификсовъ, передающій главныя характерныя черты греческихъ распятій. Крестъ этотъ съ двумя поперечными вѣтвями: одна замѣняетъ дощечку или титло, къ другой — пригвождены руки Спасителя. Кромѣ того есть широкое подножіе; слѣдовательно — крестъ осмиконечный. Христосъ представленъ уже умершимъ, склонившимъ главу, увѣчанную нимбомъ; изъ прободеннаго ребра бьетъ струя крови. Обѣ ноги пригвождены; вся фигура подалась на правую сторону, середина тѣла, до колѣнъ, покрыта повязкою. Надпись на крестѣ: $\text{I}\bar{\text{C}} \text{X}\bar{\text{C}}$; по сторонамъ: $\Theta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma \lambda\acute{\omicron}\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, $\sigma\acute{\omicron}\mu\alpha$, $\psi\omicron\chi\acute{\eta}$ 1).

Другое, еще болѣе древнее изъ сохранившихся изображеній распятія, находится въ числѣ миниатуръ извѣстнаго сирійскаго евангелія Раввулы. Его родина — монастырь Загба въ Месопотаміи, а теперь оно составляетъ одно изъ драгоценныхъ сокровищъ знаменитой библіотеки св. Лаврентія во Флоренціи. Манускриптъ, относящійся къ 586 году, заключаетъ въ себѣ нѣсколько изображеній изъ жизни Спасителя, и между ними на первомъ планѣ Его распятіе. Последнее представлено въ сложной картинѣ, со всею обстановкою и подробностями изображаемаго событія, извлеченными изъ евангельскаго повѣствованія и апокрифовъ. Христосъ пригвожденъ ко кресту среди двухъ разбойниковъ; Онъ одѣтъ въ длинную безрукавную тунику. По сторонамъ его два воина, изъ которыхъ одинъ копьемъ пронзаетъ ребро Спасителя, а другой подаетъ Ему губку, намоченную оцетомъ.

1) Рисун. см. *ibid.* s. 164.

При подножии креста три воина дѣляют Его одежду: поодаль отъ креста, съ одной стороны—Богоматерь и апостоль Іоаннъ съ видомъ глубокой скорби, съ другой—группа женщинъ, обратившихъ свои взоры на Распятаго. Сверху, по сторонамъ креста, солнце и луна въ дискѣ, а среди нихъ, надъ головой Распятаго надпись: «Сей есть царь Іудейскій» ¹⁾. Если отъ этихъ произведеній греческой кисти обратиться къ современнымъ имъ западнымъ круцификсамъ, то нельзя будетъ не признаться, что восточное искусство въ представленіи этого сюжета пошло дальше западнаго и ранѣе послѣдняго рѣшило вопросъ объ изображеніи распятаго Христа въ собственномъ видѣ. Послѣднее продолжало идеализовать этотъ сюжетъ и старалось всячески смягчить, ослабить тяжелое впечатлѣніе при видѣ уничиженнаго, страдающаго Спасителя. Эта разница въ характерѣ художественнаго типа западныхъ и восточныхъ круцификсовъ особенно замѣтно начала обнаруживаться съ VIII и IX вв. и сдѣлалась предметомъ полемики между греками и латинянами въ эпоху раздѣленія церковей. Кардиналъ Гумбертъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, такъ называемомъ „*Dialogus inter Romanum et Constantinopolitanum*“, направленномъ противъ грековъ, ставитъ имъ въ вину то обстоятельство, что они изображаютъ распятаго Христа въ видѣ человѣка близкаго къ смерти. Что хотѣлъ сказать этимъ Гумбертъ, видно изъ отвѣта на это обвиненіе патріарха Михаила Керуларія. „Вы упрекаете насъ, говорить послѣдній, въ томъ, что мы не допускаемъ измѣнять естественный человѣческій видъ Христа въ неестественный...“ Отсюда само собою вытекаетъ, что греки изображали Распятаго со всѣми признаками страж-

1) Рисун. *ibid.* s. 165.

душаго и умирающаго человѣка. что возбуждало недовольство со стороны латинянъ, державшихся идеализованнаго типа распятій и находившихъ византійскій типъ слишкомъ реальнымъ, несоотвѣтствовавшимъ достоинству лица Христова.

Дальнѣйшее осложненіе распятій шло рука объ руку съ развитіемъ ихъ символики. Послѣдняя была особенно любима въ средніе вѣка, которымъ безспорно и принадлежитъ честь созданія символической иконографіи креста и распятія. Не излишнимъ считаемъ остановиться здѣсь на нѣкоторыхъ, болѣе характерныхъ и древнихъ, символическихъ аксессуарахъ распятія ¹⁾.

И въ отеческихъ сочиненіяхъ и въ произведеніяхъ церковной гимнографіи очень рано начинается стремленіе сблизить крестъ съ «древомъ жизни» и провести параллель между этими двумя знаменательными предметами. «Древо жизни, насажденное Богомъ въ рай, говоритъ Іоаннъ Дамаскинъ, прообразовало крестъ, потому что какъ чрезъ древо вошла въ міръ смерть, такъ чрезъ древо должны быть дарованы намъ жизнь и воскресеніе». На основѣ этого сблизенія об азовалась затѣмъ цѣлая легенда такого содержанія ²⁾.

Когда Адамъ тяжело заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе смерти, онъ послалъ своего сына Сива къ вратамъ рая—выпросить у ангела вѣтвь отъ древа жизни. Сивъ исполнилъ порученіе своего отца, но

---

1) Перечень ихъ съ обстоятельными комментаріями и довольно подробнымъ очеркомъ формы изображеній распятія см. въ статьѣ: „Къ исторіи изображеній креста и распятія“ (Христ. Чт. 1868. II стр. 731—765. 1869. ч. 1. стр. 406—436.).

2) Она помѣщена въ сборникѣ Ламберта, каноника XII вѣка, въ особомъ сказаніи: „De Adamo et de ligno paradisi“.

возвратившись, засталъ его уже умершимъ. Онъ похоронилъ его и посадилъ на могилѣ принесенную вѣтвь; она принялась и разрослась въ огромное дерево, которое во времена Соломона было срублено для постройки Иерусалимскаго храма, но при всѣхъ усиліяхъ мастеровъ не могло быть употреблено въ дѣло и брошено было въ потокъ Кедронъ. Здѣсь оно долгое время лежало безъ употребленія и оставалось нетронутымъ до времени Христа; тогда изъ него сдѣланъ былъ крестъ Христовъ. Генеалогія крестнаго дерева, изображенная въ этой легендѣ, усвоена была искусствомъ и дала поводъ къ изображенію креста въ видѣ зеленѣющаго дерева или древеснаго ствола съ вѣтвями; иногда же продольная и поперечная балки креста украшались рѣзьбою, представлявшею живыя вьющіяся растенія. Въ первомъ видѣ распятіе изображено на многихъ памятникахъ западнаго искусства и между прочимъ на описанномъ выше сосудѣ Теодолинды; крестъ здѣсь наглядно представляется, какъ *arbor vitae* ¹⁾.

Въ числѣ аксессуаровъ распятія было принято и широко распространено изображеніе солнца и луны, то въ формѣ ихъ астрономическихъ знаковъ, то въ видѣ двухъ фигуръ, мужской и женской, помѣщавшихся обыкновенно въ медальонахъ надъ главою Спасителя. Солнце представляется всегда по правую сторону, а луна по лѣвую. Этимъ олицетвореніемъ христіанское искусство болѣе или менѣе удачно старалось изобразить моментъ всеобщаго оцѣпѣненія природы и мрака, возвѣстившихъ смерть Богочеловѣка (Лука 23, 44—45). На однихъ распятіяхъ поясныя человѣческія фигуры, олицетворявшія солнце и луну,

¹⁾ Другіе примѣры распятій этого рода указаны въ „Христ. Чтенія“ 1869. ч. 1. стр. 408 и 409.

представлены съ поникшими главами, въ знакъ скорби, на другихъ— онѣ закрываютъ свои лица то платкомъ, то обѣими своими руками. Древнее искусство считало солнце, а вмѣстѣ съ нимъ и луну, необходимою принадлежностью распятій и потому изображенія этихъ свѣтилъ небесныхъ встрѣчаются въ большей части крцификсовъ какъ западнаго, такъ и восточнаго происхожденія.

Особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ отличается символика подножія распятія; въ своихъ различныхъ комбинаціяхъ она даетъ матеріалъ для характеристики самыхъ догматическихъ представлений, свойственныхъ той или другой эпохѣ. Изъ аксессуаровъ этой послѣдней категоріи самымъ древнимъ можетъ быть признано изображеніе змія или дракона съ яблокомъ во рту, извивающагося у подножія креста. Этотъ символъ змія (или дракона) искусителя, попираемаго крестомъ, былъ въ употребленіи еще при Константинѣ Великомъ¹⁾; затѣмъ онъ ожилъ съ новою силою въ средневѣковомъ искусствѣ и, наконецъ, въ произведеніяхъ восточной ставрографіи явился въ формѣ полумѣсяца подъ крестомъ. Послѣдній подкрестный атрибутъ у насъ по большей части объясняютъ въ смыслѣ символа магометанства, побѣждаемаго христіанствомъ.

Вмѣсто змія, а нерѣдко и въ соединеніи съ нимъ, подъ ногами Распятаго или при подножіи креста, изображалась мертвая голова, иногда одна, иногда съ двумя на-крестъ сложенными костями. Представленіе черепа съ костями подъ крестомъ составляетъ неотъемлемую принадлежность современныхъ намъ распятій. Древнее искусство и церковная литература представляютъ для этой символической детали и письменные и художественные мотивы. Черепъ, помѣ-

¹⁾ Евсевій, «Vita Const.» lib. III, с. 3.

щаемый подъ ногами Спасителя или у подножія креста, служить символомъ черепа Адамова, а отношеніе между Адамомъ и Христомъ извѣстно. «Въ Адамѣ всѣ мы умираемъ, а во Христѣ живемъ» (1 Кор 15, 21—22). Въ этомъ смыслѣ Христось называется «Новымъ Адамомъ». У древнихъ церковныхъ писателей (Тертуліана, Оригена, Кипріана, Аванасія, Иеронима, Епифанія, Василя Великаго и др.) встрѣчается даже мнѣніе, будто Адамъ былъ погребенъ на Голгоѣѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потомъ былъ распятъ Христось, что вслѣдствіе погребенія тамъ останковъ этого праотца и самое мѣсто было названо «лобнымъ». Впослѣдствіи этому мнѣнію придали поэтическую окраску и возникло цѣлое апокрифическое сказаніе о погребеніи Адама, передаваемое въ такъ называемой «книгѣ Адама». По этому сказанію Ной, по повелѣнію Божію, взялъ съ собою тѣло Адама въ ковчегъ и, умирая, поручилъ Симу погребсти его въ томъ мѣстѣ, которое Самъ Богъ назначить для этого чрезъ ангела. Слѣдую этому указанію, Симъ и Мелхиседекъ, такъ говоритъ эта легенда, похоронили тѣло Адама на Голгоѣѣ и на пути къ мѣсту погребенія услышали слѣдующій голосъ: «Въ странѣ, куда мы идемъ, явится и пострадаетъ Слово Божіе, а на томъ мѣстѣ, гдѣ я буду погребенъ, Оно будетъ распято и ороситъ Своею кровію мой черепъ. Тогда-то и совершится мое искупленіе».

Церковное искусство воспользовалось этимъ сказаніемъ и ввело его въ циклъ своихъ представленій. Слѣдую ему, стали изображать при подножіи креста или голову Адама, или до половины выдавшуюся изъ гроба фигуру челоѣка со взоромъ и руками, обращенными къ распятому Спасителю. Въ этомъ отношеніи любопытный памятникъ представляетъ рѣзное

изображеніе распятія изъ слоновой кости XII вѣка, снятое проф. Пиперомъ въ его евангелическомъ календарѣ на 1861 годъ. Спаситель представленъ пригвожденнымъ ко кресту; двѣ женскія плачущія фигуры, со знаками солнца и луны, представляютъ олицетворенія послѣднихъ. У самыхъ ногъ Спасителя—чаша, куда стекаетъ кровь, пролитая на крестъ; подъ чашею извивающійся драконъ, а еще ниже — наполовину выдавшаяся изъ земли фигура человѣка съ протянутыми руками и взоромъ, обращеннымъ къ Спасителю. Это—Адамъ. Варіанты этой фигуры очень многочисленны, и, сличая разныя формы крестныхъ изображеній средневѣковаго цикла, можно подмѣчать различныя мотивы и оттѣнки въ воспроизведеніи этой дополнительной части крестификсовъ. Хотя какъ самая, возстающая изъ гроба, фигура, такъ особенно черепъ и кости при подножии креста принадлежатъ уже позднѣйшему средневѣковому искусству и не встрѣчаются на древнихъ памятникахъ, тѣмъ не менѣе эта символическая подробность распятія важна и замѣчательна по ея отношенію къ изображенію воскресенія Христова.

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній сюжетъ въ позднѣйшей иконографіи изображается совершенно иначе, чѣмъ на памятникахъ древне-христіанскаго искусства. Древняя Церковь, вѣрная исторической правдѣ и евангельскому повѣствованію о томъ, что воскресеніе І. Христа совершилось тайно, безъ свидѣтелей, не изображала самаго момента воскресенія и не знала Христа возносящагося, или, если позволительно такъ выразиться, вылетающаго изъ гроба, какъ это представляется на теперешнихъ иконахъ. Древнее искусство изображало воскресеніе или въ моментъ посѣщенія мироносицами открытаго гроба съ сидящимъ возлѣ него на камнѣ ангеломъ, вѣстникомъ

воскресенія, или-же сближало это событіе съ исторіей распятія. Мы уже видѣли замѣчательный опытъ такого изображенія въ рисункѣ на днѣ сосуда, посланнаго лонгобардской царицѣ Теодолиндѣ Григоріемъ Великимъ. Къ тому же художественному циклу должна быть отнесена и слѣдующая картина на одномъ саркофагѣ въ Латеранскомъ музеѣ. Передняя часть саркофага представляетъ видъ портала, образованнаго изъ колоннъ; между послѣдними изображенъ крестъ, увѣнчанный монограммой Христа, окруженной пальмовымъ вѣнкомъ. У подножія креста гробъ и около него спятъ два воина, облокотившись на щитъ. Въ этой характерной символической исторической картинѣ сгруппированы три момента: крестъ, гробъ и воскресеніе Христа. Главная часть барельефа представляетъ сцену у гроба Христова, на что указываютъ фигуры двухъ воиновъ, сидящихъ у входа въ него. Но картина захватываетъ болѣе обширный кругъ представленій и воспроизводитъ въ то же время самую исторію распятія и воскресенія. На первое указываетъ крестъ—главный предметъ всей картины. Надъ крестомъ, по обѣ его стороны, видѣются два лица: одно — въ лучистомъ вѣнцѣ и изображаетъ солнце, другое—съ серпомъ и служитъ олицетвореніемъ луны; а солнце и луна, какъ уже сказано выше, составляютъ обычный аксессуаръ распятій. Убранство креста ясно указываетъ на воскресеніе: лавровый вѣнокъ, украшающій верхнюю часть его, съ монограммою имени Христова, составляетъ эмблему воскресенія, а орелъ, парящій надъ крестомъ и господствующій надъ всею картиною, не обозначаетъ-ли также символа воскресенія, соотвѣтственно словамъ пророка: „обновится яко орля юность Твоя“ (Псал. 102, 5)? Такъ въ этой сжатой, но многосодержательной картинѣ искусство сблизило три главныхъ

событія изъ жизни Богочеловѣка: страданія, смерть и побѣду надъ адомъ.

Въ связи съ символическою креста и на основѣ ея выработалось и распространенное въ древне-христианскомъ искусствѣ представленіе воскресенія Христа подь образомъ сошествія во адъ. Это, такъ сказать, заключительный актъ крестной исторіи, непосредственно предшествовавшей самому воскресенію. Какъ Побѣдитель смерти, Христосъ изображался съ крестомъ въ рукѣ, стоящимъ на веревкахъ ада: послѣдній олицетворялся иногда въ образѣ поверженнаго дракона или другаго какого чудовища. По сторонамъ торжествующаго Христа рядъ открытыхъ гробовъ съ поднимающимися оттуда праотцами, пророками и царями. Всѣ они съ глубокимъ чувствомъ умиленія простираютъ свои взоры и руки къ Спасителю. Надъ всѣми этими воскресающими представителями ветхозавѣтнаго міра господствуетъ фигура Адама, находящагося по правую сторону Христа и извлекаемаго Имъ изъ гроба.

Для созданія этой грандіозной и сложной картины христианское искусство, нѣтъ сомнѣнія, воспользовалось различными апокрифическими сказаніями, между которыми первое мѣсто должно занять, такъ называемое, „евангеліе Никодима“, гдѣ (II ч. гл. XVII—XXVII) выступаетъ передъ нами цѣлая религіозная поэма, въ которой со всѣми подробностями рисуется событіе сошествія Христова во адъ. Изъ этого источника черпали свое вдохновеніе церковные ораторы и составители церковныхъ службъ ¹⁾, къ нему обращались богословы, изъ него же и иконо-

---

¹⁾ Евангелію Никодима обязаны, напримѣръ, своимъ происхожденіемъ содержаніе службъ на вел. субботу и отчасти гимнографія пасхальной службы.

графія заимствовала мотивы и аксессуары для изображеній воскресенія. „И тотчасъ, говорится въ Никодимовомъ евангеліи, мѣдныя врата сокрушились и желѣзные запоры сломились, и всѣ связанные мертвые разрѣшились отъ узъ. И вошелъ Царь славы, какъ человекъ, и всѣ темницы ада просвѣтились.... Царь славы простеръ десницу Свою, взялъ и воздвигъ праотца Адама. Потомъ, обратясь къ прочимъ, сказалъ: сюда—со Мною всѣ, умерщвленные древомъ, къ которому онъ прикоснулся; вотъ я опять всѣхъ васъ воскрешаю древомъ креста. И потомъ Онъ сталъ всѣхъ изводить вонъ, и праотецъ Адамъ, исполнившись радости, сказалъ: благодарю Твое величіе, Господи, что ты вывелъ меня изъ ада преисподняго. Также и всѣ пророки и святые сказали: благодаримъ Тебя, Христосъ, Спаситель міра, что Ты возвелъ отъ тлѣнія жизнь нашу.“¹⁾

Сравнивая съ этими отрывками детали нашего изображенія даже на миниатюрахъ XII—XIII вв., нельзя не замѣтить, что оно примыкаетъ къ „евангелію Никодима“ самымъ тѣснымъ образомъ и всецѣло выходитъ изъ его содержанія. И тамъ и здѣсь событіе воскресенія Христова представляется въ связи съ сошествіемъ во адъ и воскрешеніемъ умершихъ. То, что у насъ теперь считается однимъ изъ ближайшихъ плодовъ воскресенія и выраженіемъ торжества надъ смертію, древнее искусство не отдѣляло отъ самаго акта воскресенія. Теперешнія стихиры великой субботы: «Днесъ адъ стена воіетъ....», въ которыхъ изображается плачъ ада, разрушаемаго Христомъ и теряющаго своихъ узниковъ, по древнимъ греческимъ триодамъ и нашимъ стариннымъ рукописнымъ уста-

---

¹⁾ Памятники древней христіанской письменности, въ русск. перев. т. 1. стр. 42. 44.

вамъ полагаются на вечерни въ первый день Пасхи, а это показываетъ, что содержаніе ихъ непосредственно относилось къ событію воскресенія Христова, неразрывно съ нимъ соединилось и на самомъ дѣлѣ есть не-что иное, какъ поэтической комментарий къ древнимъ изображеніямъ воскресенія Христова подь образомъ сошествія во адъ.

Легко догадаться, что представленіе воскресенія Христова подь образомъ сошествія во адъ и аксессуару распятія въ видѣ головы Адама или поясной фигуры его при подножіи креста стоятъ между собою въ тѣсной логической и исторической связи, которую ясно поняло и воспроизвело христіанское искусство въ двухъ родственныхъ иконографическихъ сюжетахъ. Изображая подь крестомъ Спасителя или одну фигуру воскресающаго Адама, или окружая его цѣлымъ рядомъ возстающихъ изъ гробовъ мертвецовъ, оно хотѣло представить мрачное событіе уничтоженія Христова съ его свѣтлой стороны. Новѣйшее искусство не поняло этихъ религіозно-эстетическихъ идеаловъ древне-христіанскаго искусства и, водясь идеею уничтоженнаго Христа, представило картину распятія преимущественно съ ея мрачной и тяжелой стороны. Терновый вѣнецъ, которымъ оно, вмѣсто сіянія или царской діадемы, окружило главу Распятаго, изможденное страданіями тѣло, въ которомъ можно, кажется, пересчитать всѣ кости, отпечатокъ страданія на всей фигурѣ и, вдобавокъ, обнаженный черепъ при подножіи креста, — все это слишкомъ мрачными красками рисуетъ Образъ Богочеловѣка и чуждо идеальныхъ мотивовъ древне-христіанскаго искусства.

Въ связи съ вопросомъ объ изображеніяхъ креста на памятникахъ христіанскаго искусства стоитъ крестное значеніе или изображеніе креста посред-

ствомъ движенія руки во время молитвы и благо-словенія. Не смотря на широкую распространенность у христіанъ этого знака, древнія свидѣтельства, письменныя и сохранившіяся на монументахъ, приводятъ насъ къ заключенію, далеко не столь общему и рѣшительному, какъ этого можно бы было ожидать на основаніи теперешней практики.

Положеніе древнихъ христіанъ во время молитвы было различно. Они обращались лицомъ къ востоку, молились стоя и сидя, преклоняли голову и колѣна, клали поясные и земные поклоны, падали ницъ, воздѣвали руки. Самымъ распространеннымъ и обычнымъ изъ указанныхъ дѣйствій у нихъ было *воздѣваніе* или *поднятіе рукъ* (*ελαρσις τῶν χειρῶν*, *elevatio manuum*). Оно употребляемо было едва ли не всѣми древними дохристіанскими народами и встрѣчается въ значеніи молитвеннаго приема на этрусскихъ, греческихъ и римскихъ памятникахъ. Стоя или колѣнопреклоненные, со взоромъ, обращеннымъ къ востоку, и *руками поднятыми къ небу*, — такъ обыкновенно молились язычники. *Habitus orantium hic est*, свидѣтельствуешь Апулей (*De mundo II, 276*), *ut manibus extensis in coelum presemur*. *Поднимая руки къ небу*, молились Евреи, и Псалмопѣвецъ, говоря о «*воздѣваніи рукъ*» (Псал. 87, 10; 140, 2; св. 3 Цар. 8, 54), имѣлъ въ мысляхъ дѣйствительный обычай, которымъ въ его время сопровождалась молитва. Псевдо-Филонъ рассказываетъ о терапевтахъ, что они молились, *sublatis in coelum oculis et manibus* ¹⁾. Со стороны древнихъ христіанъ, вышедшихъ изъ іудеевъ и язычниковъ, было поэтому совершенно естественно держаться своего прежняго

---

¹⁾ Kraus, Real—Encyklopädie d. christlichen Alterthümer B. I s. 603.

молитвеннаго знака. Св. апостоль Павель прямо выражалъ желаніе, «чтобы мужи на всякомъ мѣстѣ произносили молитвы, *воздѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія*» (1 Тим. 2, 8). Рядъ свидѣтельствъ изъ древнихъ церковныхъ писателей: Іустина, Минуція Феликса, Климента Александрійскаго, Тертуліана, Оригена, Евсевія, Златоуста, Амвросія Медиоланскаго, Діонисія Ареопагита, Астерія Амасійскаго, Θεодорита, Августина, Іоанна Лѣствичника, Исаака Сиріянина, Кассіана и другихъ ¹⁾ не только знакомятъ насъ съ существованіемъ воздѣянія рукъ во время молитвы у христіанъ, но и указываетъ на предпочтительное употребленіе этого молитвеннаго приѣма предъ всѣми прочими. «Мы христіане всегда молимся за всѣхъ императоровъ, пишетъ Тертуліанъ въ своей апологіи, поднимая глаза къ небу, *простирая свободно руки*, потому что онѣ чисты, съ обнаженою головою, потому что намъ нечего стыдиться, и, наконецъ, безъ покрывала, потому что наша молитва происходитъ отъ сердца». Въ другомъ своемъ сочиненіи Тертуліанъ еще яснѣе выражается о молитвенномъ знакѣ у первохристіанъ: «Сознаніе преступленій отцовъ не позволяетъ израильтянамъ *поднимать руки свои къ небу*, дабы новыи Исаія не воскликнулъ къ нимъ: увы, языкъ грѣшный (1, 4)! или бы и Самъ Іисусъ Христосъ не возгнушался ими. Но мы не только *поднимаемъ, но и свободно простираемъ руки къ небу, подобно какъ Христосъ простеръ ихъ на крестѣ*, и въ семъ униженномъ положеніи смѣло исповѣдуемъ Господа нашего» ²⁾.

¹⁾ Свидѣтельства многихъ изъ названныхъ писателей приведены въ статьѣ П. С. Казанскаго: „О воздѣяніи рукъ во время молитвы, какъ древнемъ обычаѣ христіанъ“. „Душепол.“ 1876 ч. III стр. 461—468.

²⁾ De oratione, c. XIV: nos vero attolimus tantum, sed etiam

«Простирать во время молитвы руки—это обычный образъ молитвъ святыхъ», по словамъ св. Василія Великаго ¹⁾. Оставаясь подолгу на молитвѣ съ воздѣтыми къ небу руками, христіанскія женщины иногда такъ уставали отъ напряженія, что должны были прибѣгать къ услугамъ постороннихъ лицъ и заставлять другихъ держать на вѣсу свои руки, подражая, можетъ быть, примѣру Моисея, которому такое содѣйствіе оказывали Ааронъ и Оръ (Исх. XVII. 11—12). Памятники древне-христіанскаго искусства, сохранившіеся въ катакомбахъ, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія употребленіе древними христіанами воздѣянія рукъ во время молитвы. Никакой другой молитвенный знакъ не встрѣчается такъ часто въ катакомбной живописи, какъ способъ молитвы съ поднятыми кверху руками. Едва ли можно найти въ катакомбахъ и одну такую капеллу, въ которой не было бы такъ называемыхъ *orantes*, или, что тоже, молящихся съ воздѣтыми руками ²⁾. Икона Знаменія Божіей Матери, прототипъ которой относится къ глубокой древности и находится въ усыпальницѣ св.

---

expandimus et de dominica passione modulati et orantes confitemur Christo. Ed. Oehler. t. 1 p. 666.

1) „Твор. Вас. В.“ т. II стр. 59—60.

2) Рисун. *orantes* въ большомъ количествѣ можно найти у *Perre, Catacombes de Rome* (volum. 1—IV), *Garrucci, Storia della arte Christiana nei primi otto secoli della chiesa* (Vol. II—VI), Крауза и многихъ др. На Московскомъ соборѣ 1667 г. въ виду преданій древне-христіанской иконографіи было между прочимъ постановлено такое опредѣленіе: „А мучениковъ Христовыхъ и прочихъ святыхъ, когда пишутъ ихъ стоящихъ и молящихся ко Христу Богу или ко Пресвятой Богородицѣ, повелѣваемъ ихъ писати точію простертыми руками: зане то истинное моленіе изобразуется; а сложеніемъ перстовъ не изобразуется моленіе, но токмо исповѣданіе фры“. „Братск. Слово“. 1876 г. кн. 2 стр. 251.

Агнессы ¹⁾, можетъ дать читателю ясное представле-
 ніе о катакомбныхъ *orantes*. Разсматриваемый нами
 молитвенный знакъ пережилъ первохристіанскую эпо-
 ху, держался въ церковной практикѣ во все про-
 долженіе среднихъ вѣковъ и существуетъ въ литур-
 гическомъ употребленіи до сего времени. Замѣчанія,
 попадающіяся въ текстѣ древнихъ литургій и древне-
 греческихъ уставовъ, свидѣтельствующихъ о прак-
 тикѣ X—XII и послѣдующихъ вѣковъ, самымъ яснымъ
 образомъ доказываютъ древность этого обычая. И
 замѣчательно, что эти указанія относятся къ такимъ
 частямъ богослуженія, которыя дошли отъ древнѣй-
 шихъ временъ, какъ обычаи первенствующей церкви.
 Напримѣръ, шестопсалміе на утрени есть ничто иное,
 какъ видоизмѣненная форма древняго псалмопѣнія
 во время утреннихъ собраній первохристіанъ для
 молитвы. Въ это время, по указаніямъ древнихъ уста-
 вовъ, присутствовавшіе молились стоя, съ простер-
 тыми вверхъ руками. Въ уставѣ Саввы сербскаго,
 въ чинѣ послѣдованія утренняго богослуженія гово-
 рится, что, когда начнутъ читать свѣтильничныя мо-
 литвы, тогда «*вси руки въздѣютъ по писанію: въз-
 вигните руки ваша во святая, и паки: въ въздѣнаніи
 руку моею жертва вечерняя*» (Гласникъ, ч. XX
 стр. 168). «*Воздѣвши руки, читаемъ въ службѣ
 Постной тріоди, въ слѣдованной Псалтири Кипріана,
 митрополита московскаго, станемъ молащеся въ своей
 мысли, глаголюще молитву св. Ефрема: Господи
 Владыко живота моего*» ²⁾). Послѣднюю великопо-
 стную молитву, по смыслу дѣйствующаго доселѣ цер-
 ковнаго устава, слѣдуетъ творить съ въздѣтыми ру-
 ками. Теперь этотъ способъ молитвы удержался на

¹⁾ Kraus, Real—Encyklop. В. II fig. 207.

²⁾ Рукон. М. Д. Акад. № 142 л. 268 обор.

литургии, когда священнослужачій, *воздѣвая руки*, молится передъ престоломъ во время Херувимской пѣсни и передъ освященіемъ даровъ.

Удержавъ на первыхъ порахъ привычное выраженіе молитвеннаго расположенія духа, первохристіане очень рано дали воздѣванію рукъ во время молитвы свой смыслъ. Въ трактатѣ Тертулліана De oratione (с. XVII) мы встрѣчаемъ примѣръ стремленія усвоить этому способу молитвы (воздѣванію рукъ) специально-христіанское значеніе. Тертулліанъ настаиваетъ на томъ, чтобы христіане, молясь, *не поднимали слишкомъ рукъ*, какъ это дѣлали язычники, а только *распростирали* (expandere) ихъ *въ горизонтальномъ положеніи* ¹⁾. Хотя онъ и осуждаетъ первый способъ молитвы за то, что въ немъ будто бы выражается самоувѣніе, нескромность, но, очевидно, *предпочтеніе втораго способа основывается у него на аналогіи его съ фигурою креста Христова* и напоминаетъ, какъ выражается самъ Тертулліанъ, страданія Господа ²⁾.

Понятное дѣло, что рядомъ съ воздѣваніемъ рукъ у древнѣйшихъ христіанъ могъ существовать свой особый христіанскій молитвенный знакъ, въ первое время, быть можетъ, не столь употребительный и распространенный, какъ поднятіе рукъ. Христіане съ самаго начала существованія церкви могли на себѣ и на другихъ изображать и при всякомъ удоб-

---

1) Atqui cum modestia et humililate adorantes magis commendamus deo preces nostras, *ne ipsis quidem manibus sublimius elatis, sed temperate ac probe elatis*. ne vultu quidem in audaciam erecto. Oehler'a p. 568 сн. 566.

2) Orantes въ катакомбахъ дѣйствительно чаще встрѣчаются съ простертыми въ горизонтальномъ направленіи руками, чѣмъ съ воздѣтыми въ строгомъ смыслѣ или поднятыми вверхъ.

номъ случаѣ употреблять крестъ Христовъ, какъ священнѣйшее напоминаніе о дарованныхъ чрезъ него спасеніи и жизни ¹⁾. По словамъ св. Василія Великаго, обычай знаменаться крестнымъ знаменіемъ христіане несомнѣнно *пріяли отъ апостольскаго преданія* ²⁾. Въ апокрифическомъ евангеліи Никодима о воскресшихъ въ часъ смерти Христовой сыновьяхъ Симеона Богопріимца: Харинѣ и Левкіи, передается, что они, прежде чѣмъ начали разсказывать синедріону о своемъ воскресеніи, «сдѣлали на лицахъ своихъ изображеніе креста» ³⁾. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія на то, что и сами апостолы знаменали крестнымъ знаменіемъ какъ другихъ, такъ и себя ⁴⁾. При мужахъ апостольскихъ, особенно же въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за послѣ-апостольскимъ, крестное знаменіе по-

---

1) Въ сочиненіяхъ Варсонофія предлагается вопросъ (435-й): нужно-ли знаменоваться часто крестнымъ знаменіемъ? Отвѣтъ: достаточно для спасенія и однажды въ день или ночь осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Если мы вѣруемъ, что первая печать стоитъ твердо, нѣтъ нужды въ другой. Исканіе другой печати означаетъ лишеніе первой печати. Бѣсы вводятъ насъ въ сомнѣніе о дѣйствительности крестнаго знаменія; но безъ смущенія и сомнѣнія можно и повторять. „Душепол. Чит.“ 1876, III, 465—6.

2) Св. Василія Вел. прав. 91 изъ 27 главы кн. о Св. Духѣ.

3) „Памятники древней христіанской письменности“ въ рус. перев. т. I стр. 46 гл. 1.

4) Четь-Минен, Сент. 26, Окт. 3, Нояб. 14. 16; Златоустъ, In 1 Tim. hom. 12; Августинъ, sermo 92 de diversis, sermo 28 de sanct., fragm. 8 ex serm. de quinquages. resurg., Никифоръ Каллистъ, lib. II с. 42. Какъ знаменались апостолы? неизвѣстно. Они не заповѣдали, надо полагать, христіанамъ одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія; иначе это перстосложеніе сохранялось-бы неизмѣнно въ первенствующей церкви, и въ IV в., какъ увидимъ ниже, христіане не могли-бы креститься безразлично: в однихъ перстомъ, и перстами, и вообще рукою.

лучило широкое распространение и освящало, можно сказать, всю христианскую жизнь. «При всякомъ успѣхѣ и удачѣ, писалъ Тертуліанъ, при всякомъ входѣ и выходѣ, при одѣваніи и обуваніи, приступая къ трапезѣ, возжигая свѣтильники, ложась спать, садясь за какое либо занятіе, мы *ображдаемъ свое чело крестнымъ знаменіемъ* (signaculo crucis frontem terimus) ¹⁾. Въ томъ же смыслѣ выражаются о крестномъ знаменіи Кириллъ Іерусалимскій, Златоустъ, Ефремъ Сиринъ и др. ²⁾.

Какъ изображали на себѣ первохристиане знакъ креста? Мы теперь для этого слагаемъ извѣстнымъ образомъ пальцы правой руки и потомъ, полагая

¹⁾ De corona milit. c. 3; lib. II ad uxorem c. 5; Apologet. c. 23 сл. Варнавы Epistol. c. 12 и Іустина Apolog. 1. c. 55-

²⁾ Μη τόνον ἐπισχυνομένην ὁμολογήσαι τόν ἐσταυρωμένον Ἐπί μετώπῳ μετὰ παρρησίας δακτύλοις ἡ σφραγίς, καί ἐπί πάντων ὁ σταυρός γινέσθω; ἐπί ἄρτων βιβρωσκομένον, καί ἐπί ποτηρίων πινομένον, ἐν εἰσοδοῖς, ἐν ἐξοδοῖς, πρό τοῦ ὕπνου καί ταξομένοις καί διαμισταμένοις ὀδεύουσι καί ἡρεμοῦσι. Огласн. 13 § 36. Златоустъ (In Matth. hom LIV): Μηδεὶς αἰσχυνέσθω τὰ σημεῖα τῆς σωτηρίας ἡμῶν σύμβολα..., ἀλλ' ὡς στέφανον, αὐτὸ περιφέρωμεν τόν σταυρόν τοῦ Χριστοῦ. Καί γαρ πάντα δι' αὐτοῦ τελεῖται τὰ καθ' ἡμᾶς καὶν τραφεῖναι τὴν μυστικὴν ἐκείνην τροφήν καὶν χειροτονηθῆναι, καὶν ὀσιῶν ἕτερον ποιῆσαι, πανταχοῦ ταῦτο τῆς νίκης ἡμῶν παρίσταται σύμβολον. Διὰ τοῦτο καί ἐπί οἰκίας καί ἐπί τῶν τοίχων, καί ἐπί τῶν θυρίδων, καί ἐπί τοῦ μετώπου καί ἐπί τῆς διανοίας, μετὰ πολλῆς ἐπιγράφομεν αὐτὸν σπουδῆς....“ Ефремъ Сиринъ: „Не рукою только полагая на себѣ крестное знаменіе, но и въ мысляхъ запечатлѣвая онымъ всякое свое занятіе: и входъ свой, и исхождение свое во всякое время, и сѣдѣніе свое, и возстаніе, и одръ свой, и какое ни проходишь служеніе, прежде всего запечатлѣй во имя Отца и Сына и Св. Духа“ (Твор. св. Ефрема ч. IV стр. 371—2 Москва. 1859).

послѣднюю на челѣ, груди, на правомъ и лѣвомъ плечахъ, изображаемъ на себѣ такимъ образомъ крестъ въ большихъ размѣрахъ. Въ христіанской древности не было ни такого перстосложенія, ни того широкаго размаха руки, который становится необходимымъ при теперешнемъ способѣ знаменованія себя крестомъ. Правда, въ каррикатурномъ изображеніи распятія, найденномъ при раскопкахъ во дворцѣ Цезарей на Палатинскомъ холмѣ, повидимому, сохранилось указаніе на то, что христіане съ самыхъ первыхъ временъ уже молились какъ мы, поднимая правую руку къ лицу для изображенія на себѣ большаго креста. Христіанинъ Алексаменъ какъ будто изображенъ съ такимъ именно молитвеннымъ жестомъ; но это изображеніе не ведетъ къ указанному выводу. Въ данномъ изображеніи нужно видѣть не что иное, какъ воспроизведеніе очень употребительнаго античнаго жеста, состоявшаго въ томъ, что греки и римляне, привѣтствуя своихъ боговъ, подносили правую руку къ устамъ, какъ бы посылая поцѣлуй. Апулей въ известной поэмѣ «Золотой Осель» такъ выражается о гражданахъ города, приходившихъ на поклонъ къ Психеѣ: они, приложивъ правую руку къ своимъ губамъ и первый палецъ положи на протянутый указательный, поклонялись сей царевнѣ, какъ богинѣ ¹⁾. Можно думать, что этотъ же обычай имѣлъ въ виду и Іовъ, когда, оправдываясь передъ друзьями въ капкахъ то тайныхъ преступленій, за которыя будто бы онъ страдаетъ, между прочимъ говорилъ имъ: «Видя свѣтъ солнечный, какъ онъ сіяетъ, и мѣсяць, какъ онъ величественно ходитъ, прельстился ли я въ тайнѣ сердца моего, и въ честь имъ уста мои цѣловали ли руку мою» (31, 26—27)? Древніе,

¹⁾ Kraus, Real—Encyklop. B. 1. s. 603.

вмѣсто нашего большаго креста, употребляли малые кресты, полагая ихъ на разныхъ членахъ тѣла отдѣльно—на челѣ, на груди, на устахъ, на рукахъ, на очахъ и на плечахъ. Въ сочиненіи св. Ипполита римскаго «объ антихристѣ» говорится: «дасть (антихристъ) имъ (вѣрующимъ) знаменіе на правой рукѣ и на челѣ, дабы никто не могъ дѣлать креста *правою рукою на челъ*: но рука его будетъ связана, и отъ сего онъ *не будетъ имѣть возможности знаменовать свои члены*». Отцы церкви и древніе церковные писатели убѣждали не стыдиться креста Христова и открыто изображать его на себѣ, *въ особенности на челъ, какъ на самой видной части тѣла*. «Крестное знаменіе, по словамъ Златоуста, ежедневно начертывается *на челъ* нашемъ, какъ бы на столбѣ», или, какъ писалъ Амвросій Медиоланскій, «знаменіе полагается *на челъ*, какъ на мѣстѣ стыда, чтобы мы не стыдились исповѣдывать распятаго Христа, Который не стыдится называть насъ братьями». «Да не стыдимся креста Христова, увѣщевалъ Кириллъ Іерусалимскій, хотя бы кто нибудь и утаилъ, ты явно печатлѣй *на челъ*». «Мы, будучи христианами, станемъ уклоняться отъ язычниковъ и іудеевъ..., писалъ Ефремъ Сиринъ. *Чело* наше будемъ увѣнчивать драгоценнымъ и животворящимъ крестомъ». «Не безъ причины, замѣчаетъ бл. Августинъ, Христосъ благоволилъ, чтобы знаменіе Его печатлѣлось *на челъ* нашемъ, какъ на мѣстѣ стыдливости; сіе для того, дабы христианинъ не стыдился поношенія Христова» ¹⁾. Согласно съ этими свидѣтельствами

1) Все эти свидѣтельства отмѣчены въ ст. Филарета, архіепископа Черниговскаго: „Богослуженіе Русской Церкви домонгольскаго періода“ въ „Чт. Общ. ист. и древ.“ 1847, № 7 стр. 29—30, св. статью митр. Макарія: „Правило Стоглаваго собора о двунерстїи съ исторической точки зрѣнія“ въ

показаніе даетъ и церковная археологія. Сохранившеяся въ катакомбахъ, на донышкѣ стекляннаго сосуда, изображеніе молодаго христіанина, у котораго на лбу нарисованъ небольшой четырехконечный крестъ, а вокругъ надпись: *Liber pisa*, еще болѣе подтверждаетъ ту мысль, что древніе христіане имѣли обычай изображать малые кресты на членахъ своего тѣла, преимущественно на челѣ ¹⁾. Вмѣстѣ или, лучше сказать, одновременно съ послѣднимъ древніе любили крестить свою *грудь* — *вмѣстилище сердца*. «Если замѣтишь, говоритъ Златоустый (In Matth. hom. 87), что сердце твое начнетъ воспламеняться, то *σφραγίσσον στήθος* (грудь), *τόν στήθος ἐπίθεῖς.*» Если возложеніемъ креста на челѣ христіане свидѣтельствовали свое исповѣданіе, свою вѣру въ Распятаго, то, ограждая свою грудь или сердце крестнымъ знаменіемъ, они хотѣли выразить свою преданность, свою любовь къ Нему. Подразумѣвая ту или другую мысль, выражая такое или иное чувство, они *крестили свои уста, очи и плечи*. «Будемъ возвышать сіе знаменіе (крестъ), говоритъ Оригенъ (Hom. 8 In divers. Evangel. loc.), будемъ носить знаки побѣдъ на *раменахъ* нашихъ и на челахъ нашихъ». «Будемъ обносить крестъ, увѣщаетъ Ефремъ Сиринъ, и на челѣ, и на очахъ, и на устахъ, и на персяхъ, и на всѣхъ членахъ нашихъ» ²⁾. «Извѣствуя себе быти плоть, чи-

„Брат. Словѣ“ 1875 г. кн. VI отд. 11 стр. 30—32. Ясныя свидѣтельства объ изображеніи первохристіанами креста на челѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ отцовъ церкви, встрѣчаются въ сочиненіяхъ: Кипріяна, Оригена, Лактанція, Евсевія, Василия Великаго, Иеровима, Псевдо-Иустина, Пруденція, Гавденція, въ VIII кн. Апост. Пстановл. и др.

1) Boldetti, Cimiteri di Roma p. 60.

2) Христ. Чт. 1831 г. 43 ч. стр. 228. И въ словѣ объ антихристѣ онъ же замѣчаетъ: „чело, на подобіе свѣшника, носить на себѣ свѣщу свѣта, то есть знаменіе Спасителя

таемъ въ Четь-Минеи подь 1 числомъ апрѣля о препод. Маріи Египетской, а не духъ, ни привидѣніе сущую, *знамена крестнымъ знаменіемъ чело свое, и очи, и устни, и перси*¹⁾.

Знаменуя тотъ или другой членъ тѣла, древніе христіане дѣлали на немъ или одинъ крестъ или сряду три, одинъ вслѣдъ за другимъ. По словамъ Іоанна Мосха, св. Іуліанъ, епископъ Бострскій, когда поданъ ему былъ стаканъ съ ядомъ, «положилъ на стаканѣ *трехкратное* изображеніе креста перстомъ своимъ и сказалъ: Во имя Отца и Сына и Св. Духа²⁾. Что касается вопроса о томъ, сколько и какими именно перстами руки древніе христіане творили на себѣ крестное знаменіе, то объ этомъ не встрѣчается въ древнихъ письменныхъ памятникахъ какихъ либо положительныхъ церковныхъ постановленій или предписаній. Точно такъ же памятники древне-христіанскаго искусства, давая матеріалъ для различенія перстосложеній, могутъ имѣть

нашего“.—Василій Великій упоминаетъ объ изображеніи креста на *лицѣ и персяхъ* (De Spir. Sanct. с XXVII); Амвросій Медиоланскій—о *печати на чель, на сердце, на раменахъ* (Въ Объясн. Пѣсн. Пѣсн. 8, 6); Григорій Нисскій замѣчаетъ о св. Макринѣ, что она „оградила себѣ знаменіемъ *очи, уста и перси*“ (Vita S. Macrinae). Пруденцій говоритъ ясно о знаменованіи *чела и груди*: frontem locumque cordis crucis figura signet (Cathemer. VI, 129). Въ лат. кодексахъ Никодимова евангелія есть упоминаніе объ изображеніи крестнаго знаменія на *языкахъ*. См. „Памятники древней христіанской письменности“ въ русск. перев. т. 1, стр. 46 примѣч.

1) Въ житіи ея пишется: Haec dicens, signo crucis signat frontem suam oculosque et labia; simulque et pectori vexillum crucis inficens... Тоже въ Акт. муч. Вѣры и подругъ ея. Binter. B. VII Th. 1 s. 46—47.

2) Signans ter digito suo calicem et dicens: in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti... Св. Розыскъ св. Димитрія Пост. стр. 479, гдѣ переведено „*десницею*“. Pratum Spirituale. с. 94.

въ поставленномъ вопросѣ *не рѣшающее, а лишь статистическое* значеніе, представляя изслѣдователю основанія для заключеній о наибольшей повторяемости тѣхъ или другихъ молитвенныхъ пріемовъ, такого или инаго перстосложенія. Даже въ позднѣйшую пору христіанской живописи, въ такъ называемый мозаическій періодъ, не выработался по этому предмету въ иконографіи опредѣленный образецъ, но употреблялись безразлично разные способы, и это зависѣло конечно отъ того, что позднѣйшія произведенія живописи и мозаики копировались съ древнѣйшихъ образцовъ, гдѣ господствовало въ этомъ отношеніи широкое разнообразіе. Древніе христіане, можно рѣшительно настаивать, не придерживались или, лучше сказать, не слѣдовали одному опредѣленному перстосложенію: *они изображали на себѣ крестное знаменіе и рукою, и однимъ перстомъ, и перстами.*

Въ VIII кн. Апост. Постановленій замѣчается, что епископъ передъ началомъ литургіи вѣрныхъ долженъ слѣдующимъ образомъ вести себя. «Архіерей, молясь въ себѣ вмѣстѣ съ священниками, одѣтый въ свѣтлую одежду и стоя передъ жертвенникомъ, *сдѣлавши рукою знаменіе креста на чель* (troraem crucis in fronte *manu faciat.*, τὸ τρόπιον τοῦ σταυροῦ κατὰ τοῦ μετώπου τῆ χειρὸς ποιησάμενος), говоритъ: Благодаръ Вседержителя Отца, и любовь Господа нашего І. Христа, и причастіе Св. Духа да будетъ со всѣми вами» ¹⁾). Въ приведенныхъ словахъ нѣтъ ни слова о перстахъ и перстосложеніи; изъ нихъ видно только, что древніе крестились вообще рукою. Изъ другихъ древнихъ свидѣтельствъ видно, что въ первыя времена церкви *всего чаще изобра-*

---

¹⁾ Constit. Apost. L. VIII c. 12. Въ томъ-же смыслѣ выражается и бл. Иеронимъ (In. PS. 11): *manus pingat frontem.*

жамі крестъ однимъ перстомъ (δαχτύλῳ, digito). „Когда знаменуешься крестомъ, говоритъ Златоустъ, то представляй всю знаменательность креста. Не просто *перстомъ* (δαχτύλῳ) должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположение и полная вѣра“ ¹⁾. Современникъ Златоуста, св. Епифаній Кипрскій, о нѣкоемъ Іосифѣ, котораго онъ зналъ лично, говоритъ, что онъ, «*собственнымъ своимъ перстомъ* положивъ на сосудѣ печать креста и призвавъ имя Исусово, сказалъ: именемъ Исуса Назарянина да будетъ въ водѣ сей сила къ уничтоженію всякаго чародѣйства» ²⁾. Блаж. Иеронимъ о преп. матери Павлѣ свидѣтельствуетъ, что она предъ кончиною, «*держа перстъ* надъ устами, изобразила на нихъ крестное знаменіе» (In. Epit. s. Paulae). Блаж. Теодоритъ Кирскій о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ города Кира, пишетъ: «*святый перстомъ* вообразилъ крестное знаменіе, а устами дунулъ на него (змія), и, какъ трость отъ огня, змій тотчасъ исчезъ», и о преп. Юліанѣ: «*призвавъ Господа и перстомъ* показуя побѣдный знакъ, онъ прогналъ весь страхъ». «Когда великій драконъ хотѣлъ напасть на св. Доната, то онъ, по словамъ историка Созомена, *перстомъ* изобразилъ передъ нимъ въ воздухѣ знаменіе креста и плюнулъ; слюна попала звѣрю въ ротъ, и онъ издохъ» ³⁾. Григорій Двое-

¹⁾ Бес. LIV на еванг. Мате.

²⁾ Eriphanius, Haeres. 30 § 12 p. 137. Ἰωσήφος λαβὼν τὸ ἄγρον τοῦ ὕδατος, σταυροῦ σφραγίδα ἐπιθεῖς τῷ ἄγγει διὰ τοῦ ἰδίου δαχτύλου καὶ ἐπιχλεσάμενος τὸ ὄνομα Ἰησοῦ, εἶπεν...

³⁾ Cum draco adventum illius (Donati) sensisset et tanquam impetum in eum facturus, caput extulisset, ipse (Donatus) ex adverso ejus stans, signum crucis in aëre digito depinxit, εἰς σταυροῦ σύμβολον τὸν ἀέρα τῷ δαχτύλῳ κατεστήμανε... Sozom.

словъ пишетъ о монахѣ Мартирїи: «онъ сдѣлалъ знакъ креста *перстомъ*».., и о пресвитерѣ Аманціи: «человѣкъ Божій изобразилъ крестъ *перстомъ своимъ*» ¹⁾. Изъ цѣлаго ряда только что приведенныхъ свидѣтельствъ слѣдуетъ само собою, что *единоперстіе* было древнею, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ существовавшею и значительно распространенною формою *перстосложенія*. Древніе любили изображать на себѣ крестное знаменіе *однимъ перстомъ*, такъ какъ это было и удобно при возложеніи малыхъ крестовъ на каждомъ членѣ тѣла въ отдѣльности и наглядно показывало единство Божіе многобожникамъ, а имъ самимъ напоминало одинъ изъ главныхъ догматовъ христіанства ²⁾. Но на основаніи указанныхъ святоотеческихъ мѣстъ нельзя рѣшительно утверждать, что *единоперстіе* было въ православной церкви первоначальною и древнѣйшею формою *перстосложенія*, предупредившею собою всѣ другія, какъ это было высказано въ сороковыхъ годахъ и снова вскользь повторено за самое послѣднее время въ нашей церковно-исторической литературѣ.

Св. Кириллъ Іерусалимскій, старшій современникъ († 386) Златоуста (род. 347 г. † 407), перваго по времени церковнаго писателя, сохранившаго намъ

L. VII c. 26 p. 292 de Donato Ep. Объ изображеніи крестнаго знаменія *перстомъ* упоминаетъ еще Григорій Турскій (lib. III miracul. S. Martin.).

1) Преосв. Макарій, „Правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія“ стр. 30 примѣч. 10: Филаретъ Черниговскій, „Богослуженіе рус. церкви въ до Монгольскій періодъ“ стр. 30 примѣч. 4.

2) Но какимъ-же пальцемъ совершалось крестное знаменіе? Католики, слѣдуя показаніямъ Петр. Даміана (XI в.) и Бернарда утверждаютъ, что *большимъ* (pollice), а не указательнымъ или какимъ бы то ни было другимъ. Binter. ex Gretser. Denkw. B. IV Th. 1 § 519.

свидѣтельство о существованіи у перво-христіанъ единоперстія въ крестномъ знаменіи, въ одномъ изъ своихъ огласительныхъ поученій, произнесенныхъ имъ около 347 г. ¹⁾, говорилъ, какъ выше замѣчено, готовящимся ко' св. крещенію: «Да не стыдимся исповѣдывать Распятаго; съ дерзновеніемъ *да изображаемъ перстами* (δαχτύλοις) знаменіе креста на челѣ и на всемъ...» ²⁾. Оставаясь такимъ образомъ вѣрнымъ одной хронологической послѣдовательности свидѣтельствъ, нельзя не видѣть, что *многоперстіе существовало въ христіанской церкви если не раньше единоперстія, то и не позднѣе его.* Многоперстное и единоперстное крестныя знаменія могли *одновременно* появиться и существовать въ христіанской церкви, не вытѣсняя, или не исключая другъ друга. Нельзя не пожалѣть, что св. Кириллъ Іерусалимскій, учившій своихъ современниковъ изображать крестное знаменіе *перстами*, не сказалъ о числѣ ихъ. Изъ словъ его: „съ дерзновеніемъ *да изображаемъ перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ“..., не видно: разумѣлъ ли онъ при этомъ пятиперстіе, троеперстіе, или еще что-нибудь. Его неопредѣленное выраженіе: Ἐπί μετώπῳ μετὰ πᾶρρησίας δαχτύλοις ἢ σφραγίς καί ἐπί πάντων ὁ σταυρός γυμνώθη. равнозначуще, нужно полагать, съ вышеприведеннымъ по данному вопросу замѣчаніемъ Апост. Постановленій:... τὸ τρόπιον τοῦ σταυροῦ κατὰ τοῦ μετώπου τῆ χειρὸς ποικίλωνος... Во всякомъ случаѣ, въ словахъ св. Кирилла Іерусалимскаго: «*да изображаемъ пер-*

1) Schaff, Geschichte d. alt. Kirche s. 1166. Мы беремъ и сопоставляемъ здѣсь Златоуста съ Кирилломъ Іерусалимскимъ еще и потому, что на него прежде всего ссылаются изслѣдователи, признающіе единоперстіе „*первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія*“ въ крестномъ знаменіи.

2) Κατήχησις 13 § 36.

стами знаменіе креста» искать указанія на существованіе въ то время *двуперстія* или *троеперстія* было бы смѣлоу, ни на чемъ рѣшительно не основанною попыткой.

Двуперстіе, по заключенію нашихъ и иностранныхъ ученыхъ, серьезно имъ занимавшихся, *появилось въ христіанской церкви въ связи съ христологическими спорами, а именно монофизитствомъ.* Когда монофизиты стали смотрѣть на единоперстіе, дотолѣ употреблявшееся въ крестномъ знаменіи, какъ на символическое, наглядное выраженіе своего ученія о единой природѣ въ Иисусѣ Христѣ, тогда православные, вопреки монофизитамъ, начали знаменоваться *двумя перстами*, исповѣдую тѣмъ два естества во Христѣ ¹⁾. Отсюда само собою слѣдуетъ, что *двуперстіе* есть также древняя, своимъ началомъ къ концу пятого вѣка восходящая форма перстосложенія, но позднѣйшая не только по сравненію съ *многOPERSTIEMЪ* и *единопЕРSTIEMЪ*, указанія на существованіе которыхъ сохранились до насъ уже отъ IV в., но и *троеперстіемъ*. Последнее, т. е.

---

1) Что двуперстное крестное знаменіе стоитъ въ прямой связи съ монофизитствомъ, что въ немъ выразился своего рода отпоръ православныхъ монофизитамъ, пользовавшимся для нагляднаго подтвержденія своего еретическаго ученія о единомъ естествѣ въ І. Христѣ употреблявшимся дотолѣ у христіанъ единоперстіемъ, это съ очевидностью слѣдуетъ изъ тѣхъ свидѣтельствъ о двуперстіи, которыя достаточно изслѣдованы теперь въ русской церковно-исторической литературѣ. См. Преосв. Филарета, „Богосл. Русск. церкви въ домонгольскій періодъ“, Чт. Общ. ист. и др. 1847, № 7 стр. 31—32; Преосв. Макарія, „Правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія“ въ Брат. Сл. 1875, кн. IV, от. II стр. 33—34 и Н. Каптерева: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“, 76—85 стр.

существованіе въ христіанской церкви троеперстія ранѣе двуперстія, должно быть безспорнымъ, несомнѣннымъ положеніемъ въ глазахъ самихъ защитниковъ теоріи постепеннаго, такъ сказать, *осложненія перстосложенія для крестнаго знаменія въ связи съ развитіемъ христіанскаго вѣроученія*. Появленіе двуперстнаго крестнаго знаменія, по ихъ совершенно справедливымъ, вполне согласнымъ съ историческими свидѣтельствами словамъ, стоитъ въ тѣсной связи съ монофизитской ересью; троеперстіе, выражающее ученіе о св. Троицѣ, въ силу данной теоріи должно было возникнуть во время споровъ о троичности и единосущіи лицъ въ Божествѣ. Споры, касавшіеся ученія о святой Троицѣ, какъ извѣстно, предшествовали христологическимъ, а отсюда вытекаетъ, что троеперстное крестное знаменіе должно было появиться ранѣе двуперстнаго. Что это предположеніе согласно съ исторіей, что троеперстіе въ самомъ дѣлѣ имѣло связь съ догматическими спорами о св. Троицѣ и было уже извѣстно въ то время христіанамъ, это до нѣкоторой степени, намъ кажется, подтверждается извѣстною повѣстью о св. Мелетіи Антиохійскомъ, какъ она передается церковными историками: *Θεοδωριτῶν, Σωζομενῶν καὶ Νικηφόρων Κωνσταντινουπόλεως* ¹⁾). Когда православные просили на Антиохійскомъ соборѣ св. Мелетія, *ut compendiarium ipsius doctrinam traderet, ostensis tribus digitis ac deinde duobus compressis unoque ut erat relicto, τρεῖς ὑποδείξας δακτύλους, εἶτα τοὺς δύο συναγαγὼν καὶ τὸν ἕνα καταλιπὼν*, memorabilem illam protulit sententiam: *tria sunt, quæ intelliguntur, sed tanquam unum*

¹⁾ Θεοδωριτ. Церк. Ист. кн. II гл. 31 стр. 192; Σωζομεν. Церк. Ист. кн. IV гл. 28 стр. 299; Nicephor. Callist. Eccles. Hist. lib. IX cap. 48.

alloquimur, Τρία τὰ ὑποβρέα, ὡς ἐνὶ δεῖ διαλεγόμεθα ¹⁾. Святому Мелетію нужно было кратко и въ то же время общепонятно выразить на соборѣ, предъ великимъ множествомъ людей, православное ученіе о триничности и вмѣстѣ единосуціи лицъ въ Божествѣ, и вотъ онъ прибѣгаетъ къ наглядному символическому знаку. Онъ показываетъ сначала три перста, а потомъ, два изъ нихъ пригнувъ, оставляетъ одинъ и изрекаетъ: трехъ разумѣемъ, а говоримъ какъ объ одномъ. Эти сами по себѣ довольно неопредѣленные слова, эта *compendiaria doctrina* Мелетія не достигла бы цѣли, осталась бы непонятною для многихъ изъ его слушателей, если бы не сопровождалась со стороны св. отца общепотребительнымъ, всеѣмъ хорошо извѣстнымъ изъ раннѣйшей религіозно-обрядовой практики молитвеннымъ жестомъ ²⁾.

Мы не беремъ на себя нелегкаго труда слѣдить за тѣмъ, какъ въ дальнѣйшемъ существованіи отмѣченныя нами три, такъ сказать, главные формы перстосложенія брали перевѣсъ одна надъ другою, ста-

1) Когда говорится *δύο συναρχούω*, то разумѣются два изъ *показанныхъ* пальцевъ, потому что говорится: *εἶτα*, потомъ; а остальные два пальца и тогда, когда были показываемы три, конечно были сжаты. *Τρία ὑποβρέα* и т. д. относится уже не къ пальцамъ, а къ лицамъ; это-то и есть *compendiaria doctrina*.

2) Защитникамъ большей древности двуперстія сравнительно съ троеперстіемъ въ крестномъ знаменіи, которые безъ сомнѣнія найдутъ слабую нашу аргументацію, считаемъ не лишнимъ напомнить весьма важное, опускаемое обыкновенно ими изъ вниманія обстоятельство, что первое по времени изъ извѣстныхъ доселѣ въ наукѣ свидѣтельствъ за троеперстное крестное знаменіе (Льва IV папы Римскаго съ 847—855) предшествуетъ первому по времени свидѣтельству за двуперстіе (Иліи Гевери, несторіанскаго митрополита Дамаска съ 893 г.).

новились преобладающими въ той или другой христіанской странѣ вслѣдствіе такихъ или иныхъ явленій въ области церковнаго вѣроученія,—ни рѣшать вопроса о томъ, вслѣдствіе какихъ историческихъ причинъ разсматриваемый молитвенный знакъ сначала, въ эпоху раздѣленія церквей, видоизмѣнился и оразнообразился, а потомъ съ XIII стол. на греческомъ востокѣ неизвѣстно кѣмъ сталъ сводиться къ единообразію рядомъ съ другими церковно-обрядовыми дѣйствіями. Мы отмѣтимъ только одну черту въ литературной исторіи занимающаго насъ вопроса, именно отсутствіе положительныхъ указаній на способъ перстосложенія въ богослужбныхъ памятникахъ ¹⁾, гдѣ всего естественнѣе было бы найти разъясненіе, какъ нужно класть на себѣ крестъ во время молитвы. Вопреки широкому разнообразію въ способѣ перстосложенія какъ греческія, такъ и наши богослужбныя книги, говорятъ только о поклонахъ или метаніяхъ, колѣнопреклоненіяхъ и воздѣяннн рукъ во время молитвы, но ничего не упоминаютъ о томъ, какимъ образомъ нужно при этомъ креститься и даже нужно ли. Замѣчательно во всякомъ случаѣ, что, когда рѣчь идетъ о метаніяхъ, о крестномъ знаменн совсѣмъ умалчивается, а говорится о возвышенн рукъ, о числѣ поклоновъ; между послѣдними различаются большіе и малые, и указывается, въ какіе промежутки и съ какими молитвами класть ихъ ²⁾.

1) По сколькоу, конечно, они намъ извѣстны.

2) „По окончанн молитвы: „Иже на всякое время“... читаемъ напр. въ греч. уставѣ императрицы Ирины XII в., слѣдуютъ обычныя колѣнопреклоненія; болѣе крѣпкими (изъ монаховъ) они совершаются безъ подставки для колѣнъ, а слабѣйшіе дѣлаютъ ихъ съ помощію этой принадлежности. Съ колѣнопреклоненіями соединяются пятнадцать поклоновъ (метаній), изъ которыхъ первые три совершаются медлен-

Богослужебныя книги остановились такимъ образомъ на древне-христіанскихъ способахъ молитвы и не внесли на свои страницы позднѣйшіе ея приемы въ видѣ такъ или иначе полагаемаго крестнаго знаменія. Намъ извѣстно только одно указаніе въ послѣднемъ смыслѣ, находящееся въ синодальномъ уставѣ XII в. Если монахъ не поспѣетъ къ началу службы, замѣчается здѣсь въ статьѣ о томъ, какъ нужно входить въ церковь, онъ долженъ положить три поклона передъ церковными дверьми, затѣмъ, „крестное знаменіе на чело и на персыхъ назнаменовавъ“, стать на своемъ мѣстѣ. Какъ понимать это знаменованіе крестомъ чела и персей? Видѣтъ ли въ немъ два приема полного крестнаго знаменія, два размаха руки, или же просто это означаетъ, что нужно было отдѣльно перекрестить сначала чело, а затѣмъ грудь? Въ виду древнехристіанской практики, нельзя не склониться къ послѣднему мнѣнію.

Въ заключеніе своего очерка сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о перстосложеніи при благословеніи, не входя въ тонкости этого сложнаго вопроса. Древнѣйшій способъ благословенія состоялъ въ возложеніи рукъ на голову (*χεροδεσία*, *impositio manuum*) и подобно воздѣянію рукъ, съ которыми тѣсно связанъ, онъ извѣстенъ былъ дохристіанскому міру. Іудеи хорошо знакомы бы-

---

нѣе, такъ чтобы на каждомъ поклонѣ можно было всякому произнести три раза: „Боже, милостивъ буди“... Затѣмъ уже преклоняютъ колѣна и голову до земли, произнося: „Согрѣшихъ, Господи, прости ми“... Остальные двѣнадцать поклоновъ дѣлаются скорѣе—такъ, чтобы такъ же можно было на каждомъ поклонѣ и колѣнопреклоненіи произнести показанныя молитвы по одному разу. Во главѣ братія стоятъ при этомъ епископъ или настоятель, движеніямъ котораго строго должны слѣдовать иноки, соразмѣряя свои поклоны такъ, чтобы опусканіе на землю и подниманіе происходило у всѣхъ въ одно время“.

ли съ этимъ обычаемъ благословія. Благословляя передъ своею смертію сыновей Іосифа, „Израиль простеръ правую руку свою и *положилъ на голову Ефрему...*, а лѣвую на голову Манассія (Быт. XLVIII, 14 и сл.). Освященный въ Новомъ Завѣтѣ примѣромъ Самого Спасителя, *благословишаго чрезъ руковоложеніе* дѣтей (Марк. X, 16 сн. МѠ. XIX, 13. 15), и апостолами (Дѣян. 6, 6; XIII, 3; 2 Тим. 1, 6), обычай благословлять возложеніемъ рукъ получилъ широкую распространенность въ древне-христіанской церкви. Какъ необходимая составная часть, руковоложеніе входило въ древности въ совершеніе почти всѣхъ таинствъ и многихъ церковныхъ обрядовъ ¹⁾. Чрезъ руковоложеніе священники благословляли обыкновенно мірянъ въ древней церкви. Увѣщевая женщинъ не украшать своихъ головъ чужими волосами, Климентъ Александрійскій говоритъ: *Τίμη γὰρ ὁ πρεσβύτερος ἐπιτίθειαι χεῖρας; τίνα δὲ εὐλογία σε; οὐ τὴν γυναῖκα τὴν κεκοσμημένην, ἀλλὰ τὰς ἀλλοτρίας τρεῖχας καὶ δι' αὐτῶν ἄλλη κεφαλήν* ²⁾.

Къ указанному сейчасъ способу благословія съ очень ранней поры примкнулъ въ христіанской церкви обычай крестить (*σφραγίζειν*), нѣсколько напоминающій собою употреблявшееся у евреевъ въ торжественныхъ случаяхъ благословіе посредствомъ *поднятія* руки (Лев. IX, 22 сн. Лук. XXIIV, 50). Разсуждая о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи,

1) Подробнѣе объ этомъ у Kraus'a въ Real-Encyclop. подъ словомъ Handauflegung.

2) Paedag. L. III p. 291. Ed. Pöter; Тертуліанъ въ трактатѣ De baptismo замѣчаетъ: *Dehinc manus imponitur, per benedictionem advocans et invitans spiritum sanctum* (cap. VIII. Изд. Ochler'a p. 626; сн. Август. De bapt. III, 16: *manus impositio est oratio super hominem*. Constit. Apost. L. VIII c. IX not. 22 у Migne Patrol. Graec. t. 1. 1083.

мы довольно подробно говорили о томъ, что и какъ крестили христіане; теперь же коротко замѣтимъ, что почти такъ же въ древности лица хиротонисованныя благословляли народъ и совершали разнаго рода освященія во время церковныхъ службъ ¹⁾). Любопытно, что первоначальный способъ благословенія въ своемъ развитіи многое напоминаетъ или, лучше сказать, повторяетъ изъ исторіи перстосложенія для крестнаго знаменія. Сколько можно судить по позднѣйшимъ, имѣющимся на этотъ предметъ даннымъ, въ древней церкви благословляли и всей вообще рукой, и двумя, и тремя перстами, благословляли отдѣльные члены тѣла, какъ и все лице человека. Въ евангеліи Никодима о Самомъ Спасителѣ разсказывается, что во время сошествія во адъ, по Своемъ воскресеніи, Онъ „благословилъ Адама на чело знаменіемъ креста и сдѣлалъ тоже самое по отношенію къ патріархамъ, пророкамъ, мученикамъ и праотцамъ“ ²⁾). Неизвѣстный грекъ XII в., перечисляя въ своей статьѣ разныя заблужденія латинянъ, между прочимъ писалъ слѣдующее въ обличеніе ихъ архипастырей: „нѣкоторые *пятью перстами* какъ-то благословляютъ и пальцемъ лице знаменуютъ, подобно монохелитамъ, между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы чрезъ нихъ означались два естества и три лица, какъ показалъ Христосъ, когда, возносясь на небеса, воздвигъ руки Свои и благословилъ учениковъ“ ³⁾). На такъ называемыхъ кор-

1) Kraus, Real—Encyklop. V. II подъ словомъ *εφραχίς*.

2) „Памятн. др. христ. письменности“ въ рус. пер. т. I стр. 54 гл. 8.

3) *Quinque digitis quomodo aliqui (Latini) benedicunt, et cum pollice faciem signant, tanquam monotheletae...* Binter. Denkwurd. V. VII. Th. 2 s. 336.

сунскихъ вратахъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ латинскій епископъ Александръ представленъ съ *двуперстнымъ* благословеніемъ ¹⁾). У Льва IV, папы римскаго, есть такое наставленіе касательно благословенія св. даровъ: „чашу и хлѣбъ знаменуйте правильнымъ крестомъ, т. е. не вокругъ и кое какъ перстами, какъ дѣлаютъ многіе, но, разогнувъ два пальца и большой внутрь сложивши, чрезъ которые означается Троица, правильно старайтесь изображать сіе знаменіе $\dagger$, *ибо не иначе можете благословлять что либо* ²⁾). Лука, епископъ Тудентскій въ Испаніи († 1288), совсѣмъ не дѣлаеть никакого различія въ перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія, когда говоритъ: *tribus digitis extensis, id est, pollice, indice et medio, duobus aliis plicatis, sub invocatione Deificae Trinitatis, nos et alios consignamus* ³⁾).

Что касается формы, въ какую складывались пальцы для благословенія въ древне-христіанской церкви, то съ археологической точки зрѣнія вопросъ этотъ не легко разрѣшимъ, потому что памятники христіанскаго искусства даютъ намъ такое множество различныхъ по виду приемовъ благословенія, что нѣтъ, кажется, возможности подвести ихъ къ одному правилу. До насъ не мало дошло напр. монеть

1) Преосв. Макарій, на основаніи изслѣдованій Гретзера, замѣчаетъ, что латиняне *совершали* въ продолженіе вѣковъ крестное знаменіе и *благословеніе*—и *однимъ, и двумя, и тремя и всѣми пятью перстами безразлично*. Братск. Слово. 1875 г. кн. IV отд. II стр. 37 примѣч. 20.

2) *Calicem et oblatam recta cruce signate, id est, non in circulo et varitione digitorum, ut plurimi faciunt, sed districtis duobus digitis et pollice intus recluso, per quos Trinitas annuitur, istud signum $\dagger$ recte facere studete, non enim aliter quidquam potestis benedicere*. Binter. В. IV Th. 1 p. 519.

3) Братск. Сл. 1875, IV отд. II стр. 39 пр. 20.

отъ византійской эпохи; на штемпелѣ ихъ нерѣдко встрѣчаемъ изображенія благословляющей руки, со-всѣмъ не похожія одно на другое. На монетахъ Юстиніана Спаситель представленъ держащимъ правую руку, повидимому, на благословеніе: три послѣдніе пальца сжаты и пригнуты къ ладони, указательный простертъ вверхъ, большаго не видно. На монетахъ Михаила Рангавы—два пальца благословляющей руки, указательный и средній, подняты вмѣстѣ, два другіе нѣсколько согнуты, но не пригнуты; большаго не видно. На монетахъ фамиліи Василія Македонянина благословляющая рука Спасителя сложена не одинаково: на иныхъ всѣ пальцы порознь, на иныхъ три послѣдніе сжаты. Послѣдній образъ перстосложенія видимъ и на нѣкоторыхъ монетахъ Константина и Романа. На монетахъ фамиліи Ласкарисовъ такъ изображено благословеніе: три послѣдніе пальца сжаты вмѣстѣ и согнуты, указательный поднятъ вверхъ, большаго не видно. На монетныхъ изображеніяхъ фамиліи Палеологовъ обѣ руки отрока Іисуса представлены благословляющими: два первые пальца простерты прямо, два другіе согнуты, большой положенъ на нихъ ¹⁾). Произведенія древне-христіанской живописи, скульптуры и мозаики представляютъ еще болѣе разнообразія въ изображеніяхъ благословляющей руки, чѣмъ монеты.

Трудность свести разнообразіе къ единству, сдѣ-

---

¹⁾ Дюканжъ, Constantinop. Christian. pp. 168. 116. 136. 159. 218. 242 и др. У Гоара на изображеніи греческаго святителя въ полномъ облаченіи благословляющая рука представлена: два перста, указательный и средній, подняты и сжаты, безымянный съ большимъ сложены на крестъ, мизинецъ поднятъ. На древне-русскихъ архіерейскихъ печатяхъ по большей части два перста подняты вверхъ, два пригнуты и большой положенъ на послѣдніе.

лать какіе-нибудь научные выводы о способѣ перстосложенія на благословеніе, помимо плохой въ большинствѣ случаевъ сохранности художественныхъ памятниковъ, увеличивается часто еще оттого, что изображенія Христа и святыхъ, которыя принято называть благословляющими, не имѣютъ такого значенія въ дѣйствительности и ведутъ свое начало отъ античныхъ изображеній, представляющихъ ораторовъ и философовъ.— Древніе любили сопровождать слова свои жестами; языческіе ораторы и философы прежде, чѣмъ держать какія либо рѣчи или излагать свое ученіе, прибѣгали обыкновенно къ самымъ разнообразнымъ тѣлодвиженіямъ, какъ бы привѣтствуя тѣмъ своихъ слушателей, или возбуждая въ нихъ вниманіе. На вечерѣ у одной знатной женщины Ипатія Буррей одинъ изъ гостей, по словамъ Апулея, начиная свой рассказъ, принялъ слѣдующую позу: подобравши около себя коверъ, на которомъ сидѣлъ, и приподнявши немного на локтѣ, онъ поднималъ правую руку и, по примѣру ораторовъ, искусно образовалъ жестъ, пригнувши два послѣдніе пальца къ ладони, а остальные держа на свободѣ ¹⁾). Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ встрѣ-

---

¹⁾ *Porrigit dexteram et ad instar oratorum conformat articulum, duobus infimis conclusis digitis, ceteros eminus porrigit...* De aur. asin. lib. II. Жестъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь у Апулея, послужилъ образцомъ, по мнѣнію автора художественной исторіи креста, для латинскаго благословенія, отличительный признакъ котораго составляютъ три поднятые пальца (большой, указательный и средний) и два остальные (безымянный и мизинецъ) пригнутые. Stockbauer, Kunstgeschichte d. Krenzes s. 278; ср. Kraus'a Real—Encyclop. B 1 s. 601. А греческое именованное благословеніе, по предположенію того-же ученаго, ведетъ свое начало отъ жеста, о которомъ Квинтиліанъ говорилъ (*Instil. orat. lib. IX c. 3*): *Est autem gestus ille maxime communis, quo medius digitus in*

тить съ этимъ или подобнымъ жестомъ изображенія въ античной живописи и пластикѣ. Въ античныхъ картинахъ этотъ жестъ весьма часто дополняется еще свиткомъ, который держатъ въ своихъ рукахъ ораторы, философы и вообще люди ученые, да чѣмъ то въ родѣ кадочки или лукошка (Scrinium) у ногъ ихъ, съ нѣсколькими книгами или свитками. Стоитъ только припомнить; сколько подобныхъ изображеній встрѣчается въ катакомбахъ, когда дѣло идетъ о Христѣ, какъ Учителѣ, объ апостолахъ и пророкахъ, какъ проповѣдникахъ, чтобы убѣдиться, если не въ тождествѣ, то по крайней мѣрѣ въ тѣсной связи этихъ историко-символическихъ сюжетовъ и ихъ атрибутовъ съ обычными приемами представленія риторовъ и философовъ у классическихъ живописцевъ и скульпторовъ. Возникши и выросши на почвѣ, пропитанной традиціями многовѣковой жизни античнаго міра, молодое христіанское искусство, какъ хорошо уже извѣстно теперь, воспользовалось всеѣмъ изъ классическаго искусства, чѣмъ только можно было, начиная съ обычныхъ приемовъ техники до цѣльнаго усвоенія готовыхъ художественныхъ образцовъ. Не пренебрегло оно и условными жестами языческихъ ораторовъ и философовъ, примѣнивъ ихъ къ своимъ цѣлямъ и вложивъ въ чуждыя ему формы новое христіанское содержаніе.

Александръ Голубцовъ.

---

pollicem contrahitur explicatis tribus, и который будто бы по расположенію пальцевъ близко подходитъ къ буквенному начертанію IC. XC. Ibid. s. 278.